

А · Н · Д · Р · Е · Й

ДОБРОВ

МОСКОВСКИЕ · ТАЙНЫ · ДОБРОВА

ЧЕРТОВ ДОМ В ОСТАНКИНО

ста
сво ба
мысли, что у ограблени
важно найти определен
мешок с награбленным
пристав Архипов все бо
судьбе Маши, к котор
симпатию.
... в ЖИВЫХ

Московские тайны Доброва

Андрей Добров

Чертов дом в Останкино

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Дѣ=Дѳ)6-44

Добров А. С.

Чертов дом в Останкино / А. С. Добров — «Эксмо»,
2018 — (Московские тайны Доброва)

ISBN 978-5-04-096385-0

Молодой и еще неизвестный литератор Иван Андреевич Крылов, обжора и ленивец, неожиданно вызван во дворец к императрице Екатерине Великой, а уже через день с тайным заданием отправлен в Москву, где его поджидает целый отряд шпионов, работающих на различные дворцовые партии. Соблазнительная красotka, нахальный драгун, кучер-убийца, фальшивый камердинер – все пытаются узнать, почему Екатерина обратилась именно к Крылову и какую тайну он должен раскрыть. А когда становится известно, что Иван Андреевич ищет секретный архив «Нептунова общества», тайной Ложи, основанной самим Петром Первым, начинается целая серия убийств хранителей секрета Великого царя...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Дѣ=Дѳ)6-44

ISBN 978-5-04-096385-0

© Добров А. С., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

1. Матушкин приказ	6
2. Опасный беглец	15
3. Путешествие из Петербурга в Москву	22
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Андрей Добров
Чертов дом в Останкино

Художественное оформление *Петра Петрова*

© Добров А., 2018 © Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

1. Матушкин приказ

Петербург. 1844 г.

Иван Андреевич Крылов решил умирать в креслах. Два года назад замечательный доктор Гаевский сумел поставить эту тушу на ноги после удара, хотя весь Петербург уже собрался проводить баснописца в последний путь на Тихвинское кладбище. Но теперь этот тучный старик и сам понимал, что стоит у самых ворот царства Плутона.

Иван Андреевич сонно оглядел свой кабинет, служивший и спальней: широкая массивная кровать стояла в углу, под легким пологом, сохранявшим сон поэта от настырных посягательств комаров – окна в кабинете никогда не закрывались, иначе в комнате стояла бы плотная завеса сигарного дыма, и ее хозяин отошел бы в мир иной сам по себе, угорев.

– Курить при пневмонии совершенно не разрешается, – строго сказал доктор Галер, указывая на огромную фаянсовую пепельницу, полную сигарных окурков. – Вы не больной, а самоубийца.

– Брось, Федор Никитич, – сипло ответил Крылов. – Я выкину сигарку, только если ты честно ответишь, как вылечить мою болезнь.

Галер смахнул простым белым платком пыль с края стола и поставил туда свою сумку.

– Зачем вы спрашиваете? – спокойно ответил он. – Сами знаете, ваша болезнь не вылечивается. Она либо проходит сама, либо... Либо не проходит.

– Так ведь и я тебя позвал не лечить меня, – сказал Крылов.

Галер недоуменно вскинул на него свои серые глаза:

– Зачем же?

– Мне рекомендовали тебя как единственного эскулапа в столице, который не болтает направо и налево о болезнях своих пациентов. Ты умеешь хранить тайну.

Маленькие слезящиеся глаза больного вдруг зло сверкнули. Галер пожал плечами.

– Да-да, – продолжил Крылов, растирая пухлой рукою с обвисшей кожей свою обширную потную грудь белесого цвета. – Поэтому я заплачу тебе сверх обычного за то, что ты каждый день будешь приходить и записывать, что я расскажу. А потом, если Провидение позволит мне закончить раньше, чем я предстану перед Аидом, передашь эту рукопись человеку, которого я назову.

– Не проще вам было бы вызвать обычного переписчика? – спросил Галер. – Мои другие пациенты...

– Они подождут! – крикнул Крылов. При этом в груди у него явственно раздалось бульканье.

– Я не могу рисковать их жизнями, – твердо возразил Федор Никитич.

Крылов скривил свои толстые губы. Свиристость его лица совершенно не сочеталась с беспомощностью положения умирающего.

– Так уходи! – жестко сказал он. – Но только попомни, что я распушу слух о том, что лечение твое – чистое шарлатанство. И умер я по твоей вине. Убирайся, сукин сын!

Он откинул свою седую взлохмаченную голову на подушку и задышал натужно, с хрипом. Галер не сдвинулся с места. Невысокого роста, чисто выбритый, он обладал только двумя замечательными качествами – невыразительным остзейским лицом и прямотушием. Галер не любил врать, считал это унижением для себя. И оттого не стал модным доктором, как иные, – за Федором Никитичем закрепилась слава человека беспощадного к больному. «Скверный доктор, – говорили про него. – Давеча сказал мне, что если не брошу есть сладкое, то к Святкам помру, представляете?» И хотя прогнозы доктора Галера имели обыкновение сбываться, а говоривший приведенные выше слова действительно встречал Святки плотно укутанным в

саван, самого Федора Никитича не любили. Он из-за этого жил очень скромно, снимал крохотную квартирку на втором этаже вместе с сестрой, больной чахоткой, и часто пользовал совсем бедных людей, которые расплачивались едой. Вызов к знаменитому литератору стал для доктора неожиданностью.

– Я буду вынужден попросить двойной гонорар, – сказал он наконец.

– Ага! – пробормотал баснописец. – Ага! Нет, любезный эскулап, не двойной. Я заплачу тебе за эту работу... скажем, пятьсот рублей.

Галер повернул голову к окну. Где-то там, в сырой темной комнате, сейчас куталась в одеяла сестра Лиза. Пятьсот рублей! Можно было не только купить аппарат доктора Шартуля, но даже подумать о переезде в Крым.

– Хорошо, – произнес он.

– Возьми на столе бумагу, чернила и перья. Сам я уже не способен записывать, слишком долго тянул...

– Сначала я сделаю вам кровопускание, – твердо заявил доктор. – Вы страдаете, необходимо выпустить дурную кровь и заставить вашу печень работать.

– Валяй, – сказал Иван Андреевич. – Но потом – за дело!

Через полчаса, когда доктор уже перебинтовал надрез и вынес в коридор тазик с темной кровью, бледный Крылов потребовал сигару и начал диктовать:

– Это случилось в самом конце прошлого века, когда императрице Екатерине оставалось царствовать всего два года, а мне только исполнилось тридцать или около того лет. В конце сентября меня вызвали во дворец. Впервые. Приехал курьер с письменным приказом, посадил меня в свою карету, и мы помчали. Императрица приняла меня в библиотеке, отослав всех слуг и придворных. Помните ее портрет в горностаевой мантии и с георгиевской орденской лентой? Впрочем, художник так щедро усыпал грудь императрицы бриллиантами, что и ленту, и само лицо этой благообразной старухи многие просто не замечали. На портрете она улыбалась мягкой материнской улыбкой... На всех портретах она улыбалась именно так – как будто художники сговорились срисовывать друг у друга эту улыбку. Но когда мы остались наедине, она вовсе не улыбалась. Она выглядела усталой и... равнодушной. Но только сначала.

Петербург. 1794 г.

Крылов потел, но не смел вытереть влажный лоб. Ему казалось, что он спит и видит кошмарный сон, будто его вызвали к императрице. Кому не снилось это во времена царствования Матушки! Но после сна можно было проснуться, а сейчас – нет.

– Что это, Иван Андреевич, – сказала Екатерина Алексеевна. – Никак растолстел? С чего бы это? Мне докладывали, что литературные твои дела плохи и дохода не приносят. Может, в карты везет? Нет, не везет особо – мне и об этом докладывали. А может, ты святым духом сыт? – Она коротко хохотнула. – Да как же! Ты же известный язычник, друг мой.

Крылов стоял, не смея разогнуть спину. В животе давило, воздуху не хватало. В библиотеке было жарко натоплено – царице по причине пожилого возраста хотелось тепла, которое она уже не могла получать от фаворитов – даже от нынешнего ее любимчика – Чернявого, Платона Зубова, недавно получившего титул графа и чин генерал-фельдцейхмейстера.

– Ну, хватит кланяться, – сказала Екатерина. – Спину-то разогни, дай мне полюбоваться на твое лицо.

Крылов с облегчением выпрямил спину и скривил полные свои губы в улыбке, которую почитал приятною.

– Да... – мрачно изрекла императрица. – С лица воду не пить. Впрочем, дело, которое я хочу тебе поручить, не требует красоты физической – только ума. А ум у тебя, возможно, есть. Возьми там скамейку и присядь рядом.

Иван Андреевич оглянулся и увидел изящную скамеечку с сиденьем, обитым синим бархатом с золотой вышивкой. Он робко уселся напротив Екатерины, дав себе обет говорить как можно реже, чтобы в запале не сказать что-то, что не понравится императрице. Но теперь он мог хотя бы без лишней дерзости рассмотреть ту, которую Дидро сравнивал с Цезарем и Солоном, а Вольтер называл «Северной Семирамидой» – впрочем, громогласные салюты этих просветителей начинались русским золотом. Когда же после смерти Дидро под его подушкой нашли листки с резкими критическими замечками против императрицы, та велела изъять всю библиотеку, купленную у француза за пятнадцать тысяч рублей, и свалить ее в подвале.

– Что? – спросила Екатерина Алексеевна. – Онемел? Чего молчишь?

– Я... я с превеликим вниманием слушаю ваше императорское величество, стараюсь не упустить ни одного слова из уст высокоуважаемого мной Афиногена Перочинова! – пролепетал хрипло Крылов, ловко вворачивая псевдоним, под которым Екатерина писала в журнал «Всякая Всячина».

Императрица делано засмеялась, как будто отдавая дань то ли находчивости, то ли подострастию Крылова. Он рискнул подробнее рассмотреть грозную, но просвещенную владычицу. Осмотр был произведен быстро, но с чувством хорошо спрятанного разочарования. Перед ним в широком позолоченном кресле сидела благообразная старуха в жемчужно-сером платье, поверх которого она накинула белую шаль, связанную из тончайшего гагачьего пуха. Седые волосы были убраны в гладкую прическу, украшенную только сверкающей бриллиантами веточкой.

Эта женщина почти ничем не напоминала ту императрицу, которую Крылов несколько раз видел издали – два раза в опере на премьере ее оперы «Горобогатырь Косометович» и на грандиозной постановке «Начальное управление Олега», а также случайно возле Кадетского корпуса, ею же основанного. Да еще раз Крылову передали от императрицы предложение уехать за границу на пять лет за счет казны, только чтобы он перестал выпускать свой журнал «Зритель». И тем не менее Иван Андреевич сейчас как будто физически ощущал ореол власти и мощи, по-прежнему исходящий от императрицы Екатерины. Крылов вдруг понял, что скамейку он поставил не просто так – а ровно на том расстоянии, где эта мощь, казалось, имела свою границу.

Рядом с креслом императрицы стоял столик с большой коробкой. Время от времени она поглаживала крышку, инкрустированную ромбами темно-красного и светлого дерева.

– Итак, – сказала Екатерина Алексеевна, – я буду говорить с тобой прямо и без утайки. Но если хоть одно слово, сказанное мной, выйдет за пределы этой комнаты... – Она замолчала и холодно взглянула на замершего, как кролик в дальнем углу клетки, Крылова. – Я выбрала тебя, Иван Андреевич, для важного и строго секретного дела, – сказала Екатерина. – Отказа я не приму, потому что в случае отказа ты отсюда напрямик отправишься в крепость, где проведешь остаток своих дней в полном молчании.

Крылов попытался сглотнуть, но не смог – пересохло в горле. Ивана Андреевича вдруг страшно потянуло в сон – такое с ним случалось в минуты высочайшего душевного волнения. Но он заставил себя даже не моргать.

– Сначала про мой выбор, – продолжила императрица. – Видишь ли, Иван Андреевич, ты своей литературной работой принес мне и России много вреда.

Она замолчала, наблюдая за произведенным эффектом.

– По... Помилуй, матушка, – просипел Крылов, чувствуя, как засадило шею – в том самом месте, где мог бы затянуться узел петли. – Как такое может быть? Ведь я ни сном ни духом... Да и как я мог навредить тебе или России – ведь я...

Он хотел продолжить: «...писал смешные безделушки, только и всего», но вдруг смутился своим мгновенным падением перед ликом императрицы.

Екатерина кивнула.

– Я полжизни положила, чтобы внушить иностранцам мысль о великой и просвещенной России. Я платила им куда как больше, чем нашим литераторам – чтобы они везде, со всей мощью своего таланта и авторитета прославляли Россию, ставили ее выше других государств! Ты, Иван Андреевич, хоть и боек на язык, а дальше него ничего не видишь. Великий Петр заставил Европу бояться его с помощью штыков и картечи. Но штыки стоят дорого! Покупка французских философов обошлась мне в куда меньшую сумму, чем содержание даже одного корпуса Светлейшего во время Крымской кампании, а вот результат превзошел все его виктории! Штыки заставляют нас бояться. А перья – уважать. Перья зовут в Россию лучших европейских архитекторов, ученых, мыслителей, художников! А ты? Все это время ты писал, что наши вельможи только и делают, что гоняются за парижскими модами! Да мне плевать на их кареты, парики и камзолы! Мне главное, чтобы парижанин, приезжая в Петербург, чувствовал себя тут как дома. Ты понял меня?

Крылов чувствовал себя раздавленным. Он тихо просипел в ответ:

– Да, ваше императорское... величество... виноват...

– При дворе знают мое пренебрежительное отношение к тебе, Иван Андреевич, – продолжала императрица. – Тем лучше. Значит, никто даже не заподозрит, что я могла дать тебе серьезное поручение. Все, что ты будешь делать, ты будешь делать на свой страх и риск, совершенно не упоминая про меня. Не справишься – твоя вина. А вот справишься – будет тебе от меня награда, какой ты и не ожидаешь.

Крылов из осторожности решил не спрашивать, в чем же заключается эта награда, хотя его так и подмывало.

– Я знаю, ты куришь трубку, Иван Андреевич, – сказала вдруг императрица и откинула крышку коробки. – Вот, возьми-ка ты сигарку. Мне их теперь привозят из-за океана.

Крылов знал, что императрица усердно приучала двор к сигарам. Вероятно, кто-то из ее любимчиков Зубовых наладил поставки этой новинки с Кубы.

Иван Андреевич встал, сделал несколько шагов, как будто продавливая ауру величия, и протянул руку к сигарам.

– Бери несколько, – разрешила Екатерина. – Да только тут не кури, книги этого не любят.

Крылов не глядя захватил несколько шелковистых цилиндров и сунул их в широкий карман своего темно-серого камзола.

– Вот-вот, – одобрительно кивнула императрица, – сразу спрятал. Это хорошо. Но не буду тянуть с делом, времени у меня осталось немного. Для исполнения моего задания тебе потребуются расходы. Однако денег я тебе не дам.

– Как вам будет угодно, ваше величество, – удивленно сказал Крылов, грузно опускаясь на бархат скамейки.

– Я приставлю к тебе одного из своих кучеров – Афанасия. Вместе с экипажем. Да-да, тебе предстоит поездить, не все же в Петербурге штаны протирать! Поверь мне, Иван Андреевич, для литератора долгое путешествие – лучший способ увидеть нашу любимую красавицу-Россию, ее прекрасных добрых людей... И потом все это описать. Вот, например, Карамзин! Если бы он сидел на одном месте, то смог бы написать свои «Записки путешественника»?

Крылов тут же вспомнил про Радищева, которого описание его путешествия по России привело напрямик в казематы Шлиссельбурга, но промолчал.

– Впрочем, как раз тебе ничего писать и не надо будет. Тебе надо будет искать.

– Искать, ваше величество?

Екатерина откинулась на спинку кресла и внимательно посмотрела на литератора.

– Это странная история. Ты знаешь, я трачу огромные деньги казны на разные богоугодные и праведные дела. На университет, на сиротские приюты, на издательское дело и так далее. Мои собственные расходы невелики – особенно по сравнению с Елизаветой. Я долгое время даже не проверяла счета моей канцелярии, пока... ну, это к делу не относится.

«Пока Чернявый не запустил руки в казну по самые плечи», – подумал Крылов.

– И вот однажды, просматривая отчеты о тратах, я обнаружила такую, которая делается ежегодно вот уже семьдесят с лишним лет! И причем никто не знает, на что идут эти деньги! Все, кто знал, уже давно умерли. Но существует личная записка Петра Алексеевича о том, что трату эту необходимо делать во что бы то ни стало. И никто не в силах ее отменить. По сути, это единственное завещание Великого императора. И оно касается дела, о котором никто не знает!

– Как такое может быть? – вырвалось у Крылова.

– Согласно распоряжению Петра, эти деньги в золотых монетах отвозятся в Москву, в Сухареву башню, где их надлежит оставлять в потайном месте. В прошлом году я послала особого человека с этими деньгами, дав ему строгий наказ – проследить, кто заберет их. Человек эти деньги положил и остался смотреть за ними. Но наутро денег в тайнике уже не было!

– Чародейство! – горячо сказал Крылов. – Ведь Сухареву башню построил Брюс. А Брюс был колдун.

– Все не он, – возразила Екатерина. – Чоглоков ее построил по приказу Петра в честь стрельцов Лаврентия Сухарева, которые не изменили ему во время бунта Софьи. Но Брюс там и вправду живал – прямо над Навигацкой школой. Они с Лефортом в фехтовальной зале проводили заседания своего «Нептунового общества». И не они одни, да только... – Она задумалась. – Впрочем, сам все со временем узнаешь. Итак, не оставив этого дела просто так, я приказала провести тщательное исследование архивов. Не знаю, связано это или нет, но в отчетах за семнадцатый год есть расходы на сооружение некоего дома, который строил князь Черкасский по чертежам юного Ганнибала, присланным из Франции. Он ведь был талантливый архитектор и механик, ты знаешь это?

Крылов пожал плечами.

– Да, да, – сказала Екатерина. – Была потрачена сумма, в десять раз превышающая расходы на постройки подобного размера. Но больше нигде про этот дом не упоминается. Никаких чертежей. Его нет нигде в описях. Ничего! И хотя я не могу связать таинственные расходы, пропадающие в Сухаревой башне, и постройку исчезнувшего дома, я чувствую, что связь эта есть. Поскольку приказ Петра о посылке золота в Москву, в Сухареву башню, совпадает с окончанием строительства Ганнибала.

Крылов сидел, раскрыв свои полные губы. Он так увлекся рассказом, что просто забыл, где находится и с кем разговаривает!

– Завтра подходит срок снова везти золото в Москву. Утром к тебе придет мой кучер. Золото будет у него, как и средства на твоё расследование. Вот тебе мой приказ: поезжай для начала в Первопрестольную и выясни, куда исчезает золото. И помни про исчезнувший дом Ганнибала. А теперь иди и помни: разболтаешь – пеняй на себя! Отправишься вслед за Новиковым просвещать тюремщиков. Хотя, думаю, ты даже Неву пересечь не успеешь.

Петербург. 1844 г.

– Я вышел от императрицы в странном состоянии духа, – продолжил свой рассказ умирающий баснописец. – С одной стороны, мне льстило быть избранным ею. Да и сама история казалась увлекательной. С другой – почему именно я? Почему? Неужели не нашлось во всей России другого незаметного человека, даже и не литератора, которого не сводило бы, как меня, с ума повеление выехать из гостеприимного дома Бецкова на Миллионной. Бросить привычный образ жизни, прервать мои ленивые занятия, пусть даже и бесплодные, отказаться от необходимого мне питания пять раз в день и сна в тот момент, когда я пожелаю, – это было выше моих сил. Но и отказаться теперь было нельзя! Долгий и напряженный разговор вызвал у меня острую потребность курить, я полез в карман за сигарами и вытащил одну, прикидывая, что же с ней делать. Безусловно, я уже видал, как богатые вертопрахи дымили сигарами, но сам еще ни разу не обрезал ни одной. И в этот момент кто-то взял меня за руку. Я обернулся.

Позади меня стоял тайный советник Александр Андреевич Безбородко. Прежде, до появления Чернявого, Безбородко был в большой силе, затмевая блеском даже своего начальника Остермана, но новый фаворит одним щелчком сбил звезду Безбородко с дворцового небосклона. И теперь поговаривали, что Безбородко перешел в партию наследника Павла, чье положение после женитьбы Александра стало шатким. Ждали, что Екатерина отменит свой указ о назначении наследником ненавистного Павла и передаст царство внуку Александру, теперь, после свадьбы, считавшегося совершенно взрослым.

– Крылов, паршивец! – прошептал Безбородко, увлекая меня к окну, подальше от дверей библиотеки. – О чем ты разговаривал с ее величеством?

Я с удивлением взглянул на тайного советника:

– Простите, Александр Андреевич, могу ли я передавать разговор с императрицей?

– А почему бы и нет, скотина? – спросил Безбородко, оглядываясь по сторонам. – Это всего лишь дело правильного выбора. Ты боишься гнева императрицы – и это совершенно правильно. Но, дорогой мой бумагомарака, ты же понимаешь, что между тобой и Матушкой есть еще много могущественных и сильных фигур, которых тоже необходимо бояться такому ничтожному человеку, как ты.

Этот излишне благообразный сановник был выше меня и почти той же комплекции, только одет не в пример богаче. На нем были коричневый бархатный придворный кафтан с золотым шитьем, бежевый камзол, изукрашенный не менее богато. Светло-русый парик венчал голову с красивым благообразным лицом. Безбородко распространял вокруг благоухание апельсиновых цветков – вероятно, выливая по утрам на себя не менее половины флакона парижских духов. Хотя, конечно, в этом ему было далеко до Бонапарта, который, говорили, лил на себя о-де колон по три-четыре флакона на день.

Мне требовалось срочно придумать, что ответить Безбородко, которого, очевидно, очень тревожил сам факт разговора владычицы и простого опального журналиста. Думал я недолго.

– Государыня ругала меня, – сказал я как можно более печальней. – Она говорила, что я своими литературными трудами мешаю ей проповедовать величие России.

Это было только частью правды, но, как мне тогда казалось, вполне могло сойти. Но не сошло, потому что граф указал на сигару в моей руке.

– Ах, врун! Тогда это вот – что? – спросил он уязвленно. – Хочешь уверить меня, что наша Семирамида раздает свои сигары всем, кого решила высечь с глазу на глаз? Предупреждаю тебя в последний раз, дурья ты башка, надо бояться не только гнева Матушки, но и, например, моего!

Мимо прошла пара вельмож, постукивая своими тростями и разговаривая так тихо, что нельзя было уловить ни слова. Возле нас с Безбородко они остановились и небрежно поклонились, улыбаясь. Правда, в улыбках этих не было ничего веселого – скорее они были издевательскими. Граф поморщился и приподнял верхнюю маленькую губу – то ли ощерился, то ли улыбнулся в ответ.

«Черт возьми! – с досадой думал я тем временем. – Попался». Безбородко подождал, пока парочка дерзких вельмож не отойдет на достаточное расстояние, и снова обернулся ко мне. И тут в мою голову пришла удачная мысль. Граф считает меня ничтожеством, так это заблуждение поможет мне его обмануть!

– Помилуйте, ваше сиятельство! – взмолился я. – Я эти сигары... украл!

От неожиданности Безбородко даже выпустил мою руку.

– Украл? – переспросил он.

– Да. Грешен. Пока ждал императрицу, не выдержал, приоткрыл ящик – дай, думаю, попробую, каковы на вкус. Казните теперь, моя вина.

Мне казалось, что я соврал убедительно. Поверил Безбородко или нет, но он вдруг ухмыльнулся и погрозил пальцем:

– Ах ты плут! Мне плевать, Крылов, на твои мелкие пакости. Но знай: времена сейчас неровные, будущее сокрыто. Мне известно, что Матушка не любит Павла Петровича. И даже не запрещает распространению пасквилей о нем. Однако, по всему, именно он станет будущим императором. И если ты сегодня, паче чаяния, получил указание присоединиться к травле наследника, то трижды подумай, прежде чем браться за свое бойкое перо. Лучше бы тебе скажаться больным и уехать куда-нибудь... Ненадолго. Года на два, не больше, ты понял меня?

Я с готовностью кивнул.

– Вы дали мне прекрасный совет, ваше сиятельство, – сказал я. – Именно так и поступлю. Но только проблема в том, что путешествовать мне сейчас не позволяет скудость средств. И рад бы уехать, да не на что.

Я выразительно посмотрел на сановника. Тот кивнул и брезгливо предложил мне вечером зайти к нему, пообещав дать достаточно средств для путешествия.

Это небольшое происшествие слегка развеселило меня, я уже направился в сторону дверей, но тут снова произошла непредвиденная остановка. Недалеко от дверей меня задержал дежурный офицер-измайловец, приказавший идти за ним.

Мы поднялись на второй этаж, потом прошли гостиную залу, размером с большой бриг, и оказались в малой оружейной зале. Здесь офицер оставил меня, приказав ждать. Я стоял и гадал: кто из вельмож на этот раз переполошился неожиданным разговором императрицы с простым поэтом? Некоторое время я провел, разглядывая рыцарские доспехи и всевозможные орудия убийства, изящно расположенные на гобеленах. Наконец в зал вошли два человека схожей наружности. Один был совсем юн, но уже в генеральском мундире. Второй – в сиреновом английском фраке и розовых чулках, выглядел старше. На его холеном лице застыла маска пренебрежения. «Из огня да в полымя!» – подумал я, потому что это были братья Зубовы – Платон, фаворит императрицы, и Валериан, герой взятия Измаила, тогда еще ходивший на обеих ногах.

– Слушай, Крылов, – сказал Платон Зубов. – О чем ты сейчас шептался с этим жирдяем?

Плечи мои обмякли. Соврать фавориту было себе дороже. И я рассказал, как граф Безбородко предостерегал меня от написания памфлетов про наследника. Услышав это, Зубовы расхохотались.

– Вот дурак! – сказал Платон Александрович. – Он небось подумал, что Матушка наняла тебя пасквили сочинять про Курносого?

– Да, именно так, – кивнул я, умалчивая о приглашении вечером в дом графа.

Молодой Зубов, красивый как Аполлон, поднял густую бровь:

– Неймется Безголовке. Может, отправить его в Гатчину, пусть там сдохнет вместе со своим любимчиком?

Платон погрозил ему пальцем:

– Это плохой совет, Валя. Я его не слышал. – Потом он обернулся ко мне: – Я не буду тебя спрашивать, о чем ты говорил с Матушкой. Потому что она вызвала тебя по моему совету. Хочу только подтвердить – одно лишнее слово, и... – Он выразительно посмотрел на меня. – Теперь ты знаешь, – продолжил Платон Зубов, – кто на самом деле посылает тебя сыскать концы этой истории. И потому я буду ждать от тебя полного отчета – прежде, чем ты дашь его императрице. Если вдруг ты узнаешь что-то... что-то важное... – Он снова выразительно посмотрел мне в глаза: – Немедленно возвращайся в Петербург и бегом ко мне. Вся охрана предупреждена. Тебя проведут в любой час дня или ночи. Все ли понятно?

– Да, – сказал я.

Зубов достал из кармана маленький мешочек красной замши с золотой толстой тесемкой.

– Тут тебе на расходы, – сказал он. – Если твое предприятие окончится успешно, получишь намного больше. И не только в золоте.

Он передал мне деньги и развернулся, собираясь уйти. Но Валериан все еще оставался на месте.

– Ты умеешь стрелять из пистолета? – спросил он меня.

Я покачал головой.

– Зря, – сказал он. – Пистолет тебе может пригодиться.

Петербург. 1794 г.

Как только потешный толстяк Крылов вышел в сопровождении офицера, ожидавшего у дверей, Валериан Зубов повернулся к брату:

– Это смешно.

– Что? – спросил Платон, рассматривая свое отражение в хорошо отполированной кирасе доспеха.

– Чья была идея? Для чего этот злобный рохля?

Платон вздохнул:

– Матушкина фантазия. Я отговаривал ее, предлагал послать кого-то из более ловких людей, но ты же знаешь мою старуху – для нее эффект важнее результата. Впрочем... кое-какие резоны она мне привела. Ты же видел, как Безбородко взял этого типчика в оборот, как только он вышел от Катьки. Она судит так: своих посылать нельзя, потому что за ними сейчас смотрят в десять глаз. Равно как и мы смотрим за людьми Курносого. А кто заподозрит придурочного писаку Крылова?

Валериан задумчиво расстегивал и застегивал пуговицу на кафтане.

– Может, отправить с ним пару толковых офицеров? Не гвардейских, боже упаси! Эти остолопы только и умеют, что пить и играть в карты. Нет, я подберу парочку армейских проныр, а? К тому же в случае крайней надобности они его прирежут, а?

Платон отрицательно покачал головой:

– Как только этот олух появится на улице в сопровождении офицеров...

– Да-да, – досадливо поморщился Валериан.

– Но и оставлять его совсем без присмотра – нехорошо, – сказал Платон. – В этом я с тобой согласен, братец. Кроме того, я уверен, что и Безбородко пошлет за ним своих соглядатаев. Поэтому сделаем вот что...

Санкт-Петербург. 1844 г.

Федор Никитич Галер замедлил шаг, а потом остановился перед аптекарской витриной. Вот он, за стеклом. Деревянный плоский ящик, на котором стояло что-то вроде подсвечника со стеклянной колбой. Рядом лежал предмет, похожий на курительную трубку. Тонкий стеклянный чубук причудливо изогнут, на конце – костяной мундштук. Из слоновой кости же сделаны остальные части прибора – на месте чашки отполированный цилиндр, заканчивающийся градуированной шкалой. В колбу следовало залить йод, укрепить в держателе свечку для нагрева колбы. А потом поместить градуированную часть цилиндра в колбу, чтобы йодные пары, охлаждаясь в стеклянном чубуке, попадали прямо в легкие чахоточного. Доктор Галер читал, что его французский коллега, изобретатель этого аппарата Шартуль, использовал его при лечении двадцати восьми больных. И добился значительного улучшения в семнадцати случаях. Да, одиннадцать пациентов так ничего и не почувствовали, но семнадцать против одиннадцати при чахотке! Этот метод уж куда лучше, чем искусственные язвы между ребрами, которые якобы способны вытянуть гной из легких, очистив таким образом внутренний нарыв – причину чахотки! А был ли нарыв причиной болезни? Еще больше доктора Галера раздражали те, кто говорил, что слишком маленькие язвы недостаточны, их нужно делать глубокими и обширными! Федор Никитич представил себе, как наносит ланцетом разрез между ребер сестры, и поморщился. Варварство! Нет, он больше верит в аппарат Шартуля, плод просвещенной фран-

цузской мысли. Если верить этому толстому старику Крылову, скоро он заработает достаточно денег и сможет купить это чудо.

Федор Никитич еле заметно кивнул и пошел дальше, вдоль облупленных почти черных фасадов, стоявших сплошной стеной по обе стороны узкого проспекта. Свернув в арку, он прошел три глухих двора, подныривая под развешенное всюду застиранное белье, открыл дверь парадного и поднялся на второй этаж по темной лестнице, где чужаки могли передвигаться только на ощупь. Оказавшись перед старой коричневой дверью, Галер достал из жилетного кармана ключ и отпер.

– Лиза, – крикнул он. – Я вернулся.

Он знал, что она не станет тратить сил на ответ. Будет просто лежать и ждать, когда он войдет. Потом вытащит из-под одеяла тонкую руку и протянет. Тогда надо быстро подойти и взять ее руку, пока сестра не уронила ее на одеяло от сильного напряжения.

– У меня есть новости. Хорошие, – продолжал доктор, ставя свою сумку на пол и скидывая галоши.

Из комнаты послышался тихий кашель. Слава Богу, жива! Конечно, кашель был симптомом ее ужасного недуга. Но при этом доктор Галер всегда боялся, что однажды не услышит его.

Федор Никитич раскрыл сумку, достал четвертинку хлеба, купленную по дороге, и кулек с полуфунтом изюма.

– Послушай, что я тебе расскажу, – произнес он, входя в маленькую холодную комнату.

2. Опасный беглец

Тироль. Крепость Эренбург. 1717 г.

За решеткой окна, вдали, виднелись только заснеженные горы. Всклокоченный молодой человек с мрачным длинным лицом стоял, заложив руки за спину, и глядел на вершины. Потом перевел взгляд вниз, на зубцы крепостной стены. Солдат в длинной овчинной шубе шаркал метлой, очищая боевой ход.

– Накинь что-нибудь, Алеша, – слышался женский голос за спиной, – застудишься.

Царевич обернулся и молча посмотрел на кровать, где под двумя толстыми одеялами лежала женщина. Ее голова была закутана теплым платком. Он ничего не ответил и снова обратился к виду гор вдалеке.

– Дует от окна-то, – продолжила женщина. – Хоть бы завесить его, что ли? Сыро тут, в замке. Даже камин не греет.

Царевич едва заметно кивнул. Действительно, в Эренбурге было холодно. Еду подавали дрянную, вино кислое, две кухарки, выделенные беглецам генералом Ростом – грубые солдаты, – толком не умели приготовить ничего, кроме простонародного рагу. Решетки на окнах двух его комнат окончательно довершали образ тюрьмы.

Тюрьма! Он знал, что солдатам приказано ни в коем случае не выпускать его за ворота – впрочем, куда идти? Эренбург стоял в Тирольских горах, подальше от селений. Как все перепуталось! Он рвался из России, чтобы жить новой, привольной жизнью, а вместо этого угодил в настоящую тюрьму – причем по собственной воле.

Алексей Петрович подошел к длинному столу, крытому вишневым скатертью, поднял кувшин и налил себе полный бокал красного вина. Потом снова посмотрел на женщину. Она исхудала лицом, но все равно оставалась прекрасна – просто пухлые большие губы покрылись морщинками, а немного раскосые глаза потухли. Наверное, и роскошные русые волосы под платком сваялись... И все равно – желанна!

Царевич залпом выпил вино и закрыл глаза, чтобы почувствовать, как оно теплой волной разливается внутри. Но вместо этого только тихо отрыгнул и поморщился.

– Я устал ждать, – сказал царевич. – Это невыносимо.

– Даст Бог, весной станет полегче, Алеша, – пробормотала женщина с кровати. – Птички запоют, травка зазеленеет. Будем гулять... втроем.

Он сел на край кровати и погладил ее через одеяла по еще не округлившемуся животу.

– Фрося, – сказал царевич. – Мамочка.

Ефросинья закрыла глаза. Она устала. И не хотела рожать в этом проклятом замке – она поняла это сразу, как только увидела серые стены и высокую башню, увенчанную деревянной крышей.

Когда почтовая карета на полозьях наконец остановилась, Алеша первый толкнул дверь и выскочил наружу. Шел снег. От лошадей поднимался терпкий пар. Первое, что увидел царевич – строй имперских солдат и пожилого коротконового генерала, глаз которого был закрыт серой повязкой. Генерал стоял с непокрытой головой. Треуголку он держал в руке.

– Ваше... – генерал замялся. Приезд особы, которую тут ждали уже вторую неделю, был совершенно секретным – из Вены пришло подробное письмо, где по пунктам описывались все меры предосторожности содержания опасного беглеца. Но там совершенно не упоминалось, как следует к нему обращаться.

– Прошу прощения, экселенц, – нашелся наконец генерал. – Иоахим Рост к вашим услугам.

Из кареты вылез слуга Яков и помог выбраться Ефросинье.

– Батюшки! – сказала молодая женщина, обводя взглядом стены Эренборга. – Святые угодники!

Генерал повернулся к строю своих солдат.

– Корних. Шпрингер. И вы двое – живо берите вещи и несите в комнаты.

Яков вынес из кареты сундук, который не дал служивым, а понес сам.

Алексей стоял, не говоря ни слова, мрачно оглядывая солдат и ворота. Потом кивнул генералу Росту. Тот снова растерялся, не понимая, что значит этот кивок – приветствие или готовность последовать в отведенные ему покои. Царевич закатил свои большие выпуклые глаза и указал на ворота.

– Идем. Идем, генерал. Холодно же, – сказал он нетерпеливо.

Проходя мимо солдат, Фрося, не поднимая глаз, чувствовала, как они ее рассматривают. И хотя фигуру скрывала просторная соболья шуба, казалось, солдатские взгляды проникают сквозь нее, ищут теплого женского тела и мнут потяжелевшие груди. Фрося ускорила шаг, вцепилась в рукав Алеши и чуть не пробежала под сводом ворот. Только в последний момент Фрося вдруг запнулась и оглянулась назад – туда, где оставался мир. Впрочем, свободы не было и там.

Дверь загремела и открылась. Это пришел Яков, неся в охапке дрова. Он с грохотом свалил их в ящик сбоку, бросил два полена в камин и пошебуршил угли кочергой.

– Отдал письма? – спросил царевич.

– Отдал, ваше высочество.

– Иди, скоро позову.

Алексей подождал, пока за Яковым закроется дверь, потом подошел к столу и снова налил себе вина.

– Бесполезно, – сказал он. – Рост все равно отправляет их в Вену. А потом?

Он снова выпил, подождал, поставил толстостенный бокал на скатерть.

– Откуда мне знать, доходят ли они вообще.

Ефросинья молча наблюдала за ним. Она боялась, что Лешенька сейчас взорвется. Так уже бывало – он все мрачнел, наливался тоской и злобой, как грозовая туча водой, а потом вдруг бледнел, губы начинали дрожать, голос срывался на крик... в этот момент надо было прятаться – куда угодно, хоть под стол залезать. Говорили, батюшка его, Петр Алексеевич, в гневе был неистов, грозен. Сынок его, Алексей Петрович, в гневе был как базарная баба – криклив и безумен.

Фрося натянула одеяла повыше – так, что теперь видны были только ее глаза. Может, и пожалеет ее, брюхатую, не станет срываться, как тогда, перед отъездом, когда весь аж измаялся от страха.

И Алексей сдержался. Он выпил еще, подошел и снова сел на край кровати. Фрося выпростала тонкие руки и схватила его пальцы, прижав их к губам.

– А что, – сказал царевич с кривой улыбкой, совсем как у отца, – может, и вправду надо было в монастырь? А? Какая разница, что в келье постничать, что здесь? Так дома, может, и получше жилось бы нам, а?

– Тебя в монастырь, а меня куда? – спросила Фрося.

– Матушка в Суздале, говорят, даже рясы не носит. И любовника принимает у себя.

И я бы тебя при себе оставил.

– Сам знаешь, – ответила Фрося.

– Знаю. Знаю. Не дали бы мне жизни и в обители, – зло сказал царевич. – Меншиков с Катькой и там уморили бы. Они и батюшку хотят уморить, да только он им это не позволяет. А меня...

Он нагнулся и прижался холодной щекой к лицу любовницы:

– Как думаешь, Фрося, спасусь я? Или помру тут, на чужбине, в крепости?
– Спасешься, сердечный, спасешься, – забормотала женщина. Она откинула одеяла и потянула его к себе. – Иди сюда, погрейся. Озяб ведь совсем.

Вена. 1717 г.

Тем же самым днем в Вене, в теплой чайной комнате своего дворца на Рингштрассе, вице-канцлер Карл фон Шенборн принимал гостя, приехавшего тайно, в обычной карете, подкатившей к задним воротам, через которые обычно заезжали подводы с провизией и углем для печей. Это был мужчина средних лет, небольшого роста и худощавый. Лицом он совершенно был не похож на русского – скорее Авраама Веселовского можно было принять за немца или англичанина. Его собеседник, фон Шенборн, являл собой полную противоположность русскому резиденту Петра Алексеевича – высокий и толстый, в светлом парике, он олицетворял собой радушие и открытость, хотя не был ни радушным, ни открытым. Из всей славной династии Шенборнов он, пожалуй, единственный, кто не пошел по духовной линии, а трудился при дворе Карла Шестого, а вернее, при особе принца Евгения Савойского. Хотя император и не благоволил герою так, как его августейшие предшественники, все же партия Савойского при дворе высоко держала головы – без принца-полководца не принималось ни одного важного решения. Именно по его поручению Шенборн и вел интригу, которая так неожиданно повернулась. А вернее сказать, оказалась в тупике. И с каждым днем этот тупик грозил превратиться в настоящую ловушку.

– Итак, – сказал вице-канцлер, как только лакей, принесший кофе, удалился с подносом под мышкой. – Поговорим о погоде или сразу перейдем к важным новостям?

– О погоде, – мрачно произнес Веселовский.

Его немецкий был безупречен, венский выговор точен, как императорская бухгалтерия, а манерам мог бы поучиться любой аристократ империи, история которой насчитывала без малого восемьсот лет. – Снег идет третий день. Полагаю, в горах сейчас совершенно невозможно проехать.

Фон Шенборн коснулся губами края чашки и поставил ее обратно на столик. Ему вовсе не хотелось кофе – особенно на ночь. Вице-канцлер и так страдал от бессонницы.

– Послушайте, друг мой, – сказал он, покусывая нижнюю толстую губу. – Никто не может поручиться в соблюдении полнейшей тайны. Но мной сделано все, чтобы она была соблюдена. Хотя...

Он замолчал и пристально посмотрел на собеседника. Авраам Веселовский встретил его взгляд совершенно спокойно.

– Договаривайте, – предложил он. – Хотя по вам не заметно, но вы беспокоитесь. Беспокоюсь и я. Давайте беспокоиться вместе. Откроем друг другу карты.

Фон Шенборн кивнул.

– Я не очень доволен тем, как идут дела, – продолжил он. – Но это – полбеда. Принц Евгений... А вы знаете, как быстро может перемениться его настроение... Он требует от меня определенности, которую я дать не могу. И это очень плохо, потому что в следующий раз принц, вероятно, трижды подумает, прежде чем поручить мне серьезное дело.

Веселовский кивнул.

– Вы жалеете, что приняли участие в нашем маленьком побеге, – сказал он.

Вице-канцлер вздохнул:

– Скажем... я начинаю подозревать, что дело вовсе не так легко и удачно, как вы мне его представляли. Царь Петр вовсе не готов предстать перед Господом. А шансы царевича Алексея... скажем прямо – призрачны. Когда вы год назад сообщили мне, что русский сенат благоволит царевичу, что народ устал от тирании Петра и что сам царевич тверд в своих намерениях взойти на престол дружественной нам страны и править, согласуясь с политикой империи...

Боюсь, я увлекся этой панорамой, нарисованной вами, мой любезный друг. А принц, известный своею благосклонностью к вашей стране, с моих слов мог решить, будто царю осталось немного, а значит, поддержка наследника – прямой интерес для Вены. И что же?

– Ваш император проявил излишнюю нерешительность, – глухо произнес Веселовский. – Он не сказал Алексею Петровичу ни да, ни нет. Он не стал объявлять, что берет его под свое покровительство. Он вообще скрыл приезд ко двору русского наследника и засунул его в Эренборг. А ведь вся интрига состояла в том, чтобы царевич жил открыто, под покровительством цесаря! Уверяю, уже только одно это заставило бы всех соратников Петра задуматься о своем будущем. Сейчас мы бы читали десятки тайных писем из Петербурга от самых больших сановников.

– Не говорите так об императоре Карле, – укоризненно покачал головой фон Шенборн. – Вы у нас в гостях. И это вовсе не нерешительность. Это – осторожность, которая, на мой взгляд, граничит с мудростью. Ваш Петр человек невожатый. К тому же он ведет военные действия не так уж и далеко от наших границ. Если сразу после Нарвы это не имело никакого значения, то после Полтавы... А уж после Гангута и взятия Або... Знаете, дразнить сильных – не то же самое, что дразнить слабых.

Веселовский поставил опустевшую чашку и посмотрел на пламя камина.

– А вы не думаете, – сказал он сухо, – что именно такое поведение венского двора заставляет Петра Алексеевича считать императора слабым?

– Как это?

– Если Вена не предпринимает решительных действий, значит, можно и дальше испытывать пределы ее прочности. До тех пор, пока царь не убедится, что ему готовы дать отпор. Или, наоборот, могут выполнить его условия.

Фон Шенборн не ответил. Он смотрел на орнамент кофейного столика, не поднимая глаз.

– Царевич далеко не герой, – продолжил резидент. – К сожалению, он пошел в мать, а не в отца. Алексею Петровичу свойственны резкие перемены настроения. Еще в России он несколько раз твердо говорил о желании приехать под руку императора Карла, а уже через несколько минут каялся, не желая вызывать гнев отца. Он и сейчас панически боится его.

Фон Шенборн пожал плечами:

– В Эренборге можно ничего не бояться. Я уже не говорю про то, что именно вы представляете интересы царя в Вене. Он действует через вас, а тут...

– В этом вы ошибаетесь, – резко повернулся к нему Авраам Веселовский. – Петр Алексеевич недоволен тем, как я разыскиваю пропавшего царевича. Боюсь, теперь не я один буду заниматься этим в землях империи.

– Вот как? – Вице-канцлер не сдержал удивления.

– Сегодня утром в столицу прибыл капитан гвардии граф Александр Иванович Румянцев с двумя офицерами. Он человек решительный и дал мне понять, что Петр поручил ему не только отыскать царевича, но даже выкрасть его и доставить в Петербург.

Некоторое время вице-канцлер сидел молча, пытаясь осознать всю дерзость услышанного.

– Каким образом он это сделает! – воскликнул он наконец. – Вы понимаете, о чем говорите?

Веселовский кивнул:

– О, вы не знаете эту породу. Они называют себя «птенцы гнезда Петрова». Это люди решительные, богатые и вдохновленные победами над сильнейшими своими врагами. Притом они закалены и в придворной интриге никогда не уступают. Им все равно – золото или сталь приведет к успеху. Главное – выполнить волю царя, с которым они связывают свое будущее, почести, славу и еще большее богатство.

– О, мой Бог! – прошептал фон Шенборн. – Я должен немедленно передать это известие принцу Евгению.

– Да, – саркастически кивнул резидент. – Он любит русских, так теперь познакомится с ними поближе.

Веселовский встал:

– Вы понимаете, что в этих обстоятельствах мне надо быть крайне осторожным. Я не могу больше вести свою игру – капитан Румянцев передал мне пакет от царя. Петр Алексеевич приказывает во всем помогать прибывшим офицерам.

– Да-да... – сказал вице-канцлер, поднимаясь из своего кресла. – И все же... наша дружба... вы ведь не собираетесь изменять... нашей искренней дружбе?

Резидент пожал плечами. Фон Шенборн подошел к камину, открыл крышку стоявшей на полке шкатулки и вынул из нее увесистый мешок с заранее отсчитанной крупной суммой, которую обычно передавал русскому резиденту раз в три месяца. Вернувшись к гостю, вице-канцлер протянул мешок. Веселовский молча взял его и сунул в карман кафтана. Потом развернулся и пошел к дверям.

Резидент сел в крытый возок, приказав везти его за стены Старого города, где, окруженные земляным валом, утопали в садах виллы имперских вельмож. Сам Веселовский мог позволить себе только небольшой дом неподалеку от крепостной стены.

Возок ехал медленно, постоянно останавливаясь и пропуская громоздкие обозы с камнем и бревнами – император Карл перестраивал Хофбург. Авраам Павлович вспомнил свой последний приезд в Петербург – там также нельзя было проехать из-за подвод со строительным грузом, однако новая русская столица ни в какое сравнение не шла с центром цесарской империи. Местные зодчие строили так, как нашим и не снилось. Никакой голландской простоты – необычайная пышность и изящество нового стиля – настолько нового, что ему даже не придумали еще названия. Обычно Веселовский с любопытством рассматривал пышные фасады, но в этот раз он был погружен в мрачные размышления. Дело принимало дурной оборот.

Находясь далеко от карающей длани Петра, Веселовский расслабился, почувствовал себя почти свободным человеком. И даже позволил строить планы на будущее, в котором царевичу отводилась особая роль. Да, Петр Алексеевич был не вечен и сам уже подумывал о времени, когда придется передать власть. Но – не своему первенцу Алексею. Царь уже получил наследника от новой жены, Марты-Екатерины. Но здоровье царя было подорвано пьянством, войной и постоянным напряжением. Все «птенцы» понимали – вряд ли он доживет до момента, когда Петр Петрович вступит в силу, а значит, на горизонте восходящим солнышком рдела перспектива регентства. Но только в том случае, если на трон перестанет претендовать царевич Алексей. Меншиков, более всех мечтавший о регентстве, готов был даже удавить царевича потихому, но боялся царя – в жилах сына Лопухиной текла царственная кровь. Петр моментально узнал бы, кто отдал дерзкий приказ. И никакая сила не спасла бы тогда петербургского генерал-губернатора со всей его семьей, близкими и дальними от пыток и плахи. Так что Александр Данилович избрал другой путь – спаивать царевича, а отцу его постоянно нашептывать, мол, сын не может и не хочет выполнять приказы отца. Он был недалек от истины: царевич действительно старательно избегал тяжестей, накладываемых отцом на его слабую спину, – потому что боялся ярости этого человека, которого видел редко. Не мог простить ему ссылку матери в монастырь и постоянное отсутствие. Даже последний мальчишка в драном зипунишке и опорках мог похвастаться отцовской лаской – Алексей же вырос без нее. Меншикову удалось наконец склонить царя к ультиматуму, который Петр послал своему сыну в Москву. В нем государь пенял царевичу неделанием военной службы и обещал, что если тот не исправится, то будет отделен от двора как больной член отделяют от тела. Испуганный Алексей, только что похоронивший свою жену, Шарлотту, ответил полной капитуляцией, прислав повинное письмо, в

котором вверял свою судьбу в руки отца и выражал готовность уступить корону брату, если на то будет воля царя.

Но мало кто знал, что за полгода до той переписки Алексей снесся с Веселовским, и уже тогда резидент начал подыскивать царевичу маршрут для бегства от отца. Он полагал, что царевича надо укрыть под могущественной дланью императора Карла Шестого и подождать. Царь умрет, а тогда можно будет предъявить права царевича на престол и вернуться с ним в Россию в силе и славе – так, что Петровы «птенцы» склонят свои гордые выи перед новым фаворитом.

Авраам Павлович горько усмехнулся. План был хорош, но жизнь нарушила его в один момент. После письма Петра и своего униженного ответа Алексей уже совсем было собрался бежать, но тут Петр сильно заболел, празднуя именины адмирала Апраксина, и царевич провел несколько напряженных недель, ожидая гонца из новой столицы с вестью о кончине ненавистного чужака-отца. В те дни Веселовский ходил мрачнее тучи – все планы рушились, казалось, само Провидение вмешалось в интригу. А царевич уже грезил о троне, но только Петр выздоровел, и вместо долгожданной депеши Алексей Петрович получил новое грозное послание от императора с приказанием переменить свой нрав или отречься от престола. Почта до Вены шла почти месяц, и весь этот месяц Авраам Павлович ничего не знал про новый поворот судьбы. Царевич Алексей ответил отцу: он готов отречься от права наследования и уйти в монастырь. Одновременно с особым человеком в Вену от Алексея Петровича было отправлено послание, в котором царевич торопил Веселовского с составлением плана бегства. Только тогда Авраам Павлович поверил в то, что Бог снова явил ему милость, и тут же стал искать встречи с вице-канцлером фон Шенборном.

Как только Петр с Екатериной и двором уехал в Копенгаген, чтобы оттуда следовать в Амстердам и Париж, Алексей Петрович выехал следом, взяв с собой только слугу и любовницу. Но как только пересек границу, тут же и исчез.

Веселовский, узнав о письме с согласием уйти в монастырь, сначала испугался – не разрушит ли оно тщательно составленный план, в который уже удалось осторожно посвятить нескольких тайных противников Петра. Но, поразмыслив, решил, что бояться не стоит – отказ от наследства должен быть произведен официально, в присутствии Сената и Синода. Без этого любое письмо можно объявить фальшивкой и позднее, уже при воцарении в Петербурге, использовать это для арестов, пыток и казни... того же Меншикова, к примеру. Поэтому Авраам Павлович, встретив царевича, устроил его встречу с фон Шенборном. Но вместо того чтобы представить наследника русского престола императору, фон Шенборн предложил другой план: укрыться в Эренборге, чтобы выждать благоприятное время для своего возвращения. Конечно, имперцы предполагали, что Петр разозлится и начнет искать беглеца, но надеялись, что, если тайну о местопребывании царевича сохранять как можно дольше, заботы утихомят первый порыв царя, а там, Бог даст, природа возьмет свое, Петр преставится, и тогда... Тем более что именно Веселовскому поручили искать следы царевича в Вене – он и наводил старательно тень на плетень. Однако, судя по всему, не один Авраам Павлович занимался розыском беглого Алексея на цесарских землях – приезд капитана Румянцева был крайне неприятным сюрпризом. И Веселовский не обманывал, предупреждая вице-канцлера, что теперь резиденту придется вести себя крайне осторожно, не давая повода заподозрить в своих действиях измену.

Возок миновал ворота Старого города, выехал на широкую дорогу, ведущую к Земляному валу. И уже скоро проехал в изящные ворота крохотного поместья, в котором жил Веселовский. Резидент удивился, что его никто не встречает, сам поднялся по мраморному крыльцу и толкнул дверь. В последний момент он вдруг удивленно остановился: его поразил запах табака, шедший из дома. Сам Веселовский пренебрегал трубкой и держал только нюхательный табак. Озадаченный Авраам Павлович сделал шаг внутрь, и тут же острие кинжала коснулось справа его шеи.

– Здорово, Веселовский, – раздался мужской голос. – Заходи, разговор есть.

3. Путешествие из Петербурга в Москву

Петербург. 1844 г.

Утром следующего дня доктор Галер снова пришел на угол Невского и Садовой, к зданию Публичной библиотеки, где на третьем этаже располагалась квартира Ивана Андреевича. Крылов по-прежнему сидел в кресле у окна и дымил сигарой.

– Вы вообще не ложились в кровать? – строго спросил доктор.

– Сегодня нет, – ответил тот. – Зачем?

Доктор сердито занялся своей сумкой.

– Пиявки? – спросил Крылов, увидав, как эскулап достает большую стеклянную банку.

Галер кивнул.

– Взял по дороге свежих. Вам придется выплатить мне хоть небольшой аванс. Закатайте рукав, – приказал он.

Поставив пиявок, Галер осмотрел кожные покровы пациента и задал ему несколько вопросов. Иван Андреевич отвечал кратко, потом воскликнул в нетерпении:

– Оставь эти бесполезные церемонии. Лучше садись и пиши дальше. На чем мы остановились вчера?

Галер сел к столу, пододвинул стопку бумаг, чернильницу и вазу с перьями.

– Как вы встретились с братьями Зубовыми.

– Да! Хорошо, дай подумать... Так... Вечером я приехал к Безбородко, где получил от дворецкого еще немного денег. Теперь я был совершенно богат и даже подумывал пойти проиграть часть монет, которые буквально грызлись в моих карманах. У меня в те дни была своя система, математически просчитанная и, как я полагал, совершенно беспроегрышная.

– Да? – заинтересовался Галер.

– Впрочем, у каждого тогда была своя система – абсолютно беспроегрышная, – хрипло захихикал Крылов. – Помнишь, как у Сашки Пушкина Герман просит графиню открыть тайну трех карт? Но потом я с сожалением рассудил, что дорога предстояла дальняя. Конечно, императрица обещала прислать мне своего конюха. Наверняка к конюху прилагалась и карета. Но вот повара в дорогу мне почему-то не предоставили, а значит, питаться предстояло на свой кошт. Я подумал, что лучше буду не скупясь тратить на хорошие обеды несколько раз на дню и на приличные постели. С этой мыслью я задремал и проснулся уже утром, когда в мой кабинет вошел очень колоритный субъект.

Петербург. 1794 г.

Иван Андреевич проснулся от странного стука. Он приоткрыл один глаз и увидел напротив себя незнакомца. Бородатый плотный мужчина в синем армяке и с косматой шапкой в руке стоял небрежно и постукивал рукояткой кнута по сапогу. С виду он был похож на обычного дворника или кучера, но даже спросонья Крылов ощутил странный тревожный запах, исходящий от этого мужика, – пахло большой злой псиной. Вероятно, несло от шапки.

Иван Андреевич открыл другой глаз и, повозившись в кровати, сел повыше на подушках.

– Что за черт! – сказал он и протер глаза. – Кто пустил?

– Вставай, барин, – ответил незнакомец. – Карета подана. Где твои вещи? Давай погружу, пока ты умываешься.

– Да кто ты такой? – с раздражением спросил литератор, еще не разорвавший объятий Санкт-Петербургского Морфея.

– Афанасий меня зовут. Афанасий Петров сын. От матушки Екатерины я. Кучером. Вспомнил, чай? Вставай, лежебока.

– А! – Крылов растерялся. – Знаешь что, Афанасий, – сказал он, – давай лучше завтра... Я не успел собраться. А еще лучше – поедем дня через три. Нам ведь не к спеху?

– А еще мне было строго сказано, – равнодушно ответил кучер, – если к полудню мы не выедем из города, сюда пришлют солдат, чтобы отвести тебя в Петропавловку.

Крылову сделалось нехорошо.

– А сколько сейчас? – спросил он.

Афанасий пожал плечами.

– Да как же так! – в волнении закричал на него Крылов. – Как же я поеду? Гольй, что ли?

Петербург. 1844 г.

Галер отложил перо, чтобы снять раздувшихся пиявок.

– Я хорошо помню то сентябрьское утро, – продолжил Иван Андреевич. – Небо было затянуто облаками, моросил мелкий дождик. Иные считают, что дождь в день отъезда – хорошая примета. Вранье! Если бы в тот миг я мог заглянуть в недалекое будущее, то зарылся бы в перину, закричал, разыграл сумасшедшего, выпрыгнул из окошка – лишь бы избежать того, что случилось потом! Увы, казалось, что Провидение сделало все, чтобы я бросился с головой в штормовое море событий. Я был почти разорен, все мои журналы закрыты, пьесы мои сняты с подмостков, те немногочисленные кредиторы, которые еще давали в долг мне, фланировали вокруг дома, где я жил, словно стая злобных щук в ожидании жирного карася. Фортуна уже занесла ногу, чтобы дать мне хорошего пинка, дабы я кубарем вылетел из столицы. В предчувствии этого пинка я как бы оцепенел, лежа на кровати, но присланный Афанасий, выйдя в коридор, крикнул прислугу и дал ей приказ собирать мои вещи, что было исполнено чрезвычайно быстро, поскольку вещей, не снесенных пока в ломбард, у меня было совсем немного: пара платья, три пары чулок и еще кое-что из белья. Выходя из дома, я накинул толстый плащ и снял с вешалки чью-то шляпу – уверяю, только по рассеянности...

Петербург. 1794 г.

– Это что? – спросил Крылов, внезапно остановившись.

Слуга, несший за ним узел, чуть не налетел на широкую спину драматурга и издателя.

– Как что? – удивился Афанасий. – Экипаж!

– Это? – вскричал Крылов. – Бричка?

– А ты, барин, что, ожидал карету шестериком? С гербами и гайдуками на запятках, что ли?

Афанасий схватил слугу за рукав и потащил его к бричке:

– Ну, давай, вот сюда клади.

Крылов беспомощно взирал на то, как слуга пристроил большой узел к запяткам, накрыл его кожаными кожухом и прочно прихватил ремнями.

Бричка! Да еще и запряжена в нее была пара невзрачных лошадей, в глазах которых читалась безнадежность.

– А клячи эти, – спросил он у кучера, – не из похоронных дрожек ли?

Афанасий влез на облучок и натянул свою мохнатую шапку.

– Ну, барин, полно стоять. Садись.

И в этот момент над Петропавловской крепостью поплыл белый дымок, а потом послышался и выстрел пушки.

Полдень. Крылов встрепенулся, вспомнив слова Афанасия про солдат. Выругавшись по матушке, он полез в бричку, которая заскрипела и слегка просела на его сторону. Сев, Иван Андреевич сердито засопел, оглядывая внутренности экипажа.

– Хоть занавеска есть, – пробурчал он и оперся спиной на дощатый задний борт.

Афанасий дернул рычаг тормоза, удерживающий колеса, подобрал вожжи и тряхнул ими. Правая лошадь сделала первый неуверенный шаг в сторону, потом вторая, понуриив голову, тронула с места. Бричка дернулась и покатила по булыжной мостовой. Из глубины навеса Крылов мрачно, точно ссыльный, смотрел на мокрые стены пышных каменных домов, на редкую публику, спешившую поскорее убежать от дождя, на чахлую петербургскую зелень, уже увядавшую в ожидании холодных осенних дней. На паруса лодок, пливших по беспокойным каналам, – их владельцы в объемных плащах и широкополых шляпах словно вороны застыли у рулевых весел. Наверное, вот так и князь Меншиков смотрел на Петербург, отправляясь в свое последнее путешествие в Берёзово.

Иван Андреевич плотнее завернулся в толстый плащ.

– Эй ты! – крикнул он кучеру. – Афанасий Петров сын! Стой!

Кучер, не останавливаясь, повернулся.

– Что тебе, барин? Забыл что?

– Позавтракать забыл! Остановись вон там, у Шерера!

Афанасий помотал головой.

– Велено покинуть город, барин. Вот проедем последнюю рогатку, тогда и остановимся.

Там трактир есть Митрофана Иванова. Вот и перекусим.

– Знаю я этот трактир, – пробурчал Крылов. – Рядом с кладбищем. Там тебя так накормят, что сразу и хоронить можно. Денег сдерут втридорога – это чтобы и попу на отпевание хватило.

– Воля ваша, – кивнул кучер. – Поедем мимо. Следующий только в десяти верстах.

– А ну тебя к черту! – крикнул Крылов. – Я столько не проживу. Давай к чертову Митрофану!

Выехав из города, они остановились на дворе Митрофана, державшего трактир для городской стражи и путников неподалеку от заставы. Пока Афанасий привязывал лошадей, Крылов выполз из брички и толкнул низкую дощатую дверь. Внутри было тихо и сонно – только два немца в углу курили трубки и пили вино из глиняных кружек. Крылов скинул плащ, шляпу, бросил их на скамью и сам сел за стол у окна. Хозяин трактира, дородный чернявый мужик, подошел, вытирая пальцы о полы серого длиннополого кафтана.

– Здорово, мучитель, – сказал Иван Андреевич. – Чашку цикуты и запеченную голову Олоферна.

– Заграничного не держим-с, – спокойно сказал Митрофан.

– Тогда крысиного яду и вареную сиську Василисы Премудрой.

– Шутить изволите?

– А что же тогда есть?

– Каша гречневая с грибами есть. Половина утки вчерашняя. Ренское.

– Знаю я твое ренское! На Васильевском острове его разливают да невской водой разбавляют!

– Не хотите, и не надо, – добродушно кивнул трактирщик курчавой головой. – Тогда квасу могу подать.

– Ладно, – буркнул Крылов, – тащи кашу, утку и ренское. Да хлеба каравай. Да масла. Да огурцов. Да яиц вареных полдюжины. Понял?

Митрофан кивнул и собрался уже идти, но Крылов его остановил:

– Постой! Окорока нету ли у тебя?

– Есть окорок.

– Заверни с собой фунта два. Да еще дюжину яиц к нему, да сала фунт, да туда же хлеба.

Крылов все диктовал припас, который наметил себе в дорогу, а трактирщик стоял и кивал. В таком положении застал их Афанасий, который присел за другим столом. Заметив его, Иван Андреевич отпустил наконец трактирщика и позвал кучера.

– Иди сюда, сядь, поговорить надо.

Афанасий сел и снял свою шапку.

– Ты крепостной или из дворцовых? – спросил Крылов, пока конопатая девчонка, трактирная прислужница, выставляла на стол, накрытый скатертью, заказанные яства.

– Свободный я. Из дворцовых.

Крылов поманил пальцем, чтобы Афанасий наклонился поближе.

– Матушка-государыня говорила, что с тобой будет золото, которое надо кое-кому передать.

Кучер, не отвечая, кивнул.

– И что ты знаешь, как его передать.

Снова кивок.

– Хорошо, – сказал Крылов. – Рассказывай.

Он откинул крышку с котелка и начал, обжигаясь, черпать и заглатывать кашу.

Кучер долго молчал, как будто обдумывая, как половчее рассказать, потом начал нерешительно:

– Ну... В прошлом году возил я в Первопрестольную чиновника от Матушки. Поднялись мы с ним на башню. Там в большой зале есть такой тайник... Туда кладешь кошель и кирпичом закладываешь... И все.

– Так, – сказал Крылов.

– И все, – повторил Афанасий. – Мы потом кирпич отодвинули, а кошеля нет. Вроде и глаз с него не спускали, всю ночь просидели в засаде – нет его!

– Ага, – пробормотал Крылов. – Вот загадка. Ну ничего, сам посмотрю, что там и как. Каши хочешь? Там еще осталось.

Он принялся за утку, запивая ее вином.

К концу завтрака явился хозяин трактира, волоча за собой большую корзину, набитую припасами. Иван Андреевич расплатился и приказал Афанасию приторочить корзину, а сам, накинув плащ, пошел во двор облегчиться за пристройкой. Наконец, оправив платье, он полез в бричку и тут краем глаза заметил, как Митрофан передает кучеру конверт с сургучной печатью. Афанасий быстро оглянулся на попутчика, но Крылов успел отвернуться.

После того как кучер занял свое место на облучке и тронул с места, Иван Андреевич спросил:

– Никак ты корреспонденцию тут получаешь, а?

– Чавой? – откликнулся Афанасий.

– Письмо.

– А, тетка прислала. С оказией.

Он заставил лошадей пойти рысью.

– Поспи, барин, дорога длинная, ехать надо быстро. Теперь остановимся не скоро.

Петербург. 1844 г.

Крылов отложил сигару и закашлялся. Доктор Галер встал, чтобы пощупать пульс больного, но поэт махнул на него дряблой рукой.

– Ничего, – прохрипел он. – Нет времени! Пиши дальше. Может, тебе квасу или вина?

– Кофе, – попросил доктор. – И еще... я не успел позавтракать.

Крылов кликнул кухарку и приказал принести большую чашку крепкого кофе, ветчины и немецких роголиков. Пока требуемое не доставили, он сосредоточенно молчал, глядя в окно на темные крыши и шпили, как будто подпиравшие низко нависшие петербургские облака. Наконец он сказал:

– Описывать всю дорогу до Москвы я не буду. Довольно с нас и книжки Радищева. Хотя, если говорить честно, Александр Николаевич описал вовсе не настоящее путешествие. Это

было чистой воды литературный вымысел, гипербола, которую все вдруг восприняли совершенно серьезно. Глупейшая история – собрав в книжке все пороки нашего общества, которые могло выдумать его чистое сердце, Радищев думал, что императрица прочтет и исправит жизнь. Но в том-то и дело: розыск, учрежденный императрицей, показал – написанное – сплошь выдумка. И хотя в жизни произвол, леность и жестокость случаются часто, все конкретные происшествия, описанные Радищевым, оказались чистой литературой. Это-то и взбесило Екатерину, что привело несчастного Радищева в крепость.

От себя же скажу только, что тогда я еще был молод и не страшился выезжать из теплой квартиры в холода и жару. Да и не могу я вспомнить путь из столицы в Первопрестольную – это было как нырнуть с одного берега и вынырнуть на другом. А посередине – вечный холод, стремительное течение, борьба с усталостью и желанием уснуть, чтобы не проснуться. Впрочем, и в следующие годы мне пришлось много ездить по России, часто выскакивая в одном камзоле, чтобы, бросившись в экипаж, мчаться подальше, прислушиваясь, не стучат ли за спиной копыта драгунских лошадей.

– Так было? – удивился доктор Галер.

– Было, было, – ответил Крылов. – Но не имеет отношения к этой истории. Итак, кроме случая с письмом от тетушки, почитай, не было ничего интересного. Тряска и холод. Слава богу, осень стояла хоть и холодная, но сухая, так что нам пришлось всего раза три вытаскивать бричку из непролазной грязи. По вечерам я пил чай на остановках, ел дрянную еду и считал набитые кочками шишки. Конечно, между прочим, думал я, что за странная тетка, которая была так хорошо осведомлена о нашем маршруте? И запечатывала письмо сургучом. Может, мой конюх не так-то и прост? Может, он племянник фрейлины двора? Нет, конечно! Ясно было, что письмо это послано совсем не родственницей моего Афанасия и речь в нем шла вовсе не о продаже сарая, как уверял меня кучер, когда я на следующей остановке пытался выведать содержание этого послания. У меня даже возникла идея выкрасть письмо, но я не смог приметить, куда Афанасий его сунул.

Так или иначе, мы быстро катили в сторону Москвы, пока дожди все же не припустили и не превратили привычно дороги в болота. Поначалу мне казалось, что за неделю пути из Петербурга в Первопрестольную я сойду с ума от скуки с таким собеседником, как Афанасий. Но я ошибся. Он оказался замечательным рассказчиком простонародных побасенок. Прямо хоть сейчас записывай и издавай в журнале. Одно плохо – все они были чрезвычайно скабрёзными. Так, однажды в дождь мы проезжали мимо красивого пруда с лебедями. Пруд, вероятно, принадлежал помещику, чья обветшавшая усадьба с заколоченными окнами стояла за аллеей, проходившей позади пруда. Указав длинным кнутом в сторону лебедей, Афанасий спросил, знаю ли я побасенку про лебедя, рака и щуку.

– Нет, не слыхал, – ответил я.

– Ну! – воскликнул он. – Жили-были лебедь с лебедушкой. Вроде как жили они хорошо, да только мужик-то лебединый пил горькую. Ну, лебедушке это надоело, вот она и улетела в теплые края, на Туретчину. А мужика своего похмельного бросила. Проспался он, а бабы нет. Ну, думает, и хрен с ней, никто шипеть не будет. Поплавал он в пруду день, проплавал второй. А потом невтерпеж ему стало – хоть лебедь и птица, а естество в нем мужское тоже есть. Вот и думает – кого ж ему еть, когда жена улетела? Тут видит – щука близ берега плавает. Он к ней – щука, говорит, давай побалуемся, а то жена моя тю-тю, а естество требует. Давай, говорит щука, токмо у меня муж ревнивый – рак! Ничего, говорит лебедь, мы по-быстрому. Он пока доползет, мы все дело и кончим. Ты на дно уйдешь, а я в небо улечу – он за нами и не угонится. Ну, и начали они еться, а рак-то туточки, под кустиком сидел. Как увидел он это непотребство – хватъ лебедя за хозяйство! Лебедь от боли орет, крыльями хлопает, взлететь пытается, а не может – застрял в щуке! Щука на дно тянет – и тоже – никак! А рак их в кусты тащит...

Он замолчал.

– Ну! – не выдержал я. – Так чем дело кончилось?
– Вестимо, моралью.
– Какой?
– Отчекрыжил он лебедю елду по самые перья и говорит: не будешь вперед зариться на чужих баб. И с тех пор лебеди никогда с щуками не етятся.

Я аж крякнул.

– Все? – спросил я. – А раньше как? Было?

– Ага, – кивнул кучер. – Раньше всякое бывало. Такая вот басня.

– Это не басня, братец ты мой! – сказал я. – Это черт знает что! Лафонтен бы со стыда сгорел.

– Может, и сгорел, – отозвался кучер. – Я такого не знаю. Может, из немцев он? Да только и немцы, когда напьются, такое порассказать могут, что святых выноси.

Мы ехали дальше. Казалось, что я забуду эту дурацкую историю, но почему-то она все лезла и лезла мне в голову. Пока на повороте у одной грязной дереvушки я не увидел, как два воза сцепились оглоблями. Крестьяне, ехавшие на возах, орали почем зря, но ни один из них не желал сойти на землю и расцепить оглобли, чтобы освободить свои повозки, только понуждая к этому своего противника. Уже, казалось, далеко осталась и та деревня, и мужицкие возы, как вдруг в голову мне пришла фраза: «Когда в товарищах согласья нет...»

Вечером на станции я вынул из кармана тетрадку, спросил чернил и перьев, а потом в один присест написал смешную басню про лебедя, рака и щуку, которую ты, вероятно, знаешь.

Доктор машинально кивнул. Он не читал басен Ивана Андреевича, но решил согласиться, чтобы не раздражать пациента.

Москва. 1794 г.

Через неделю бричка Крылова подъехала к Тверской заставе в Камер-Коллежском вале. Кучер указал на тучи впереди:

– Неласково встречает Первопрестольная.

Крылов разлепил глаза и сонно посмотрел на линию вала, поросшую жухлой травой. Вытащив из кармана початую бутылку вина, заткнутую платком вместо пробки, он сделал большой глоток и задумчиво сказал:

– Надеюсь, хоть поужинать я успею...

У заставы скопилось множество телег, груженных товаром, несколько бричек и даже две кареты. Солдаты проверяли телеги, заставляя мужиков откидывать рогожу, очередь двигалась медленно. Офицер скучал, присев на скамейку и куря тонкую фарфоровую трубку. Афанасий то пускал лошадей шагом, то снова натягивал вожжи, чтобы не наехать на двигавшийся впереди экипаж. Крылов вылез из брички, чтобы размять затекшие ноги и раскурить одну из сигар императрицы.

– Черт знает что, – сказал он с досадой кучеру. – Нельзя ли как-нибудь проскочить?

– Здесь завсегда так, – ответил Афанасий. – Уж больно тракт оживленный.

– Так, может, до другой заставы доехать?

– Ничто! Дольше будем объезжать.

Сзади послышался стук копыт. Крылов обернулся и увидел простую карету с занавешенными окнами. Кучер резко затормозил и крикнул Афанасию, спрашивая, как давно он тут стоит. В этот момент занавеска на окне чуть отодвинулась, и в нем показалось милостивое женское лицо. Дама заметила Ивана Андреевича и кивнула ему. Крылов кивнул в ответ, хотя и не узнал женщину. Но она отворила дверь и крикнула:

– Месье Крылов, это вы?

Иван Андреевич удивился, но подошел к самой дверце.

Женщина действительно была молода и очень хороша собой. У нее были кругленькие близко посаженные карие глаза, курносый носик и губки, которые так и норовили сложиться сердечком. Лисичка, а не девушка.

– Ведь это вы! – с милым восторгом воскликнула дама. – Я не ошиблась!

– Нет, не ошиблись, – улыбнулся польщенный Крылов. – Мы знакомы?

– Конечно нет еще! – ответила она. – Ну и что с того? Я так мечтаю познакомиться с вами, что готова пренебречь всеми условностями. Я ваша преданная читательница и... – Она кокетливо улыбнулась. – Почитательница. Удивительно, как свет не смог оценить ваше очаровательно легкое перо! Впрочем, что тут удивляться, ведь ваше перо искололо не одного напыщенного дурака.

Петербург. 1844 г.

– О, сладость лести, – сказал Иван Андреевич угрюмо. – Да еще лести, излитой столь прелестными губками, как у Агаты Карловны! Через пять минут мы уже болтали как старые друзья. Через десять я был влюблен. К моменту, когда моя бричка наконец доползла до привратной будки, я был готов жениться. А потом наши экипажи оказались по другую сторону заставы, и тут вдруг выяснилось, что мы должны расстаться. Это так поразило меня, что я чуть не потерял сознание. Вы знаете, доктор, я человек не влюбчивый. Не знаю, что такое, но чувство любви мне почти не знакомо – вероятно, тут все дело в темпераменте.

– Или боязни женского пола, – ответил Галер машинально, не отрываясь от бумаги.

Крылов фыркнул:

– Чушь! Какая боязнь? Боязнь чего? Не перебивайте меня. Думаю, что долгое путешествие и вынужденный отказ от привычного образа жизни подействовали на меня особым образом. А может, это из-за московского воздуха, который, уж конечно, свежее, чем затхлая дворцовая атмосфера Петербурга, смешанная с болотными миазмами. Да, думаю, именно так. Не зря московская жизнь так сильно отличается от столичной. Еще матушка Екатерина говорила, что не любит Москвы из-за ее вольнодумства и бунтарства. Неудивительно, что даже несколько минут, проведенных в московском воздухе, сотворили со мной такую странную перемену, что я тут же, не сходя с места, назначил свидание этой почти незнакомой даме.

– Где?

– Как где? Конечно, в трактире! Ведь я еще не обедал. Я подумал, что можно совместить приятное с прекрасным. Конечно, к Брызгалову на Варварку ехать было нельзя – там заправляли старoverы с их поистине варварской ненавистью к табаку. И даже развешенные везде клетки с соловьями не делали это заведение для меня привлекательным – соловьям я предпочитаю гусей, особенно с антоновкой, и хорошую трубку табака. Можно было бы поехать к Воронину в Охотный Ряд, поесть его замечательных блинов, манивших гурманов и из других городов империи, но... Но я хотел блеснуть и потому пригласил мою прелестницу в «Троицкий», или, как его называют москвичи, «Большой самовар» – поскольку именно огромный самовар был выставлен в окне этого трактира, считавшегося в те времена самым лучшим и самым дорогим в Первопрестольной.

– Тяжелая пища в трактирах, – заметил доктор.

Крылов пожевал губами.

– Ты, Галер, молод, откуда тебе знать, что в те времена ресторанов еще не было. Впрочем, по мне, так я не променяю кухню «Троицкого» на десять лучших парижских ресторанов. Вот ты знаешь, что в этом трактире даже не было зала для простого народа? Только для высшего света. Это верный признак того, что готовили тогда в «Троицком» отменно. Сейчас редко встретишь таких мастеров приготовить кулебяку или тушеного зайца. Да и зайцы в то время были – не чета нынешним! Настоящие слоны, а не зайцы! Только намного нежнее.

– Прошу вас, не рассказывайте про ваш обед, – пробормотал доктор. – Лучше расскажите, пришла ваша дама?

– Увы, она пришла, – мрачно ответил Крылов.

Петербург. 1844 г.

Доктор Галер зажег свечку и повернул овальный экран, закрепленный на подсвечнике, так, чтобы сквозняк из окна не тревожил огонек. Внутренняя поверхность экрана представляла собой вогнутое зеркало, освещавшее бумагу с записями, сделанными его ровным почерком.

– Главная печаль старости заключается в невозможности посетить места своей юности, – тихо сказал Крылов. – То, что умирают люди, – понятно. Человек настолько легкомысленное существо, что нашел сто способов, чтобы укоротить жизнь, и почти ни одного, чтобы ее продлить.

Галер пожал плечами, но спорить не стал.

– Это тоже записать? – спросил он.

– Что записать? – очнулся Иван Андреевич.

– Про легкомысленное существо?

– Нет, не надо. Философские мысли, даже записанные на бумагу, просто не влезают в муравьиные головы простых смертных. От великих мыслителей остаются одни только коротенькие фразы. «Я мыслю – следовательно, существую» – это весь Декарт. «Сократ мне друг – но истина дороже» – это весь Платон. «А все-таки она вертится» – весь Галилей. Причем уверяют, что он этого не говорил. Хорошо, что я не философ. От меня останется уж побольше, чем от Декарта. Уже хорошо, если лет через сто будут помнить хоть одну мою басню...

– Которую?

Крылов пожал плечами.

– Черт его знает... Думаю, про ворону и лисицу. Ты знаешь, сколько написано басен про ворону и лисицу?

– Сколько?

Крылов начал загибать свои толстые пальцы:

– Эзоп. Потом Лафонтен, который переписал Эзопа. Потом Тредиаковский. Он, конечно, переписал Лафонтена, причем таким тяжеловесным слогом, что сам черт ногу сломит! Послушай:

Негде воЕрону унесть сыра часть случилось;

На дерево с тем взлетел, кое полюбилось.

Оного лисице захотелось вот поесть;

Для того домочься б, вздумала такую лесь...

– Да... – сказал доктор. – Мудрено.

– Потом за бедную ворону взялся Сумароков. Александр Петрович, царствие ему небесное, хоть и был талантливей Тредиаковского, но писал невыносимо длинные и неудобнопроизносимые оды, трагедии, комедии. Он даже «Гамлета» написал! Своего! Не перевел Шекспира, а произвел на свет особенный собственный бред – высокопарный, но от этого не менее бессмысленный! Саша Пушкин считал его язык варварским и изнеженным. Но Сумарокову высокого стихоплетства было мало. Между вулканическими словоизвержениями он породил на свет четыреста карликовых уродца – басен. И среди них «Ворону и лисицу», начинавшуюся так: «И птицы держатся людского ремесла. Ворона сыру кус когда-то унесла». Сыру кус! Настоящий словесный циркус! Впрочем, то, что я накропал на ту же тему, не сказать, чтобы лучше. Проще – да. Мою басню удобнее читать, потому что при этом не случится вывих языка. Но она все равно глупая. И, кстати, там был не сыр, а ключ... Но это потом, не путай меня. Дойдет

и до вороны с лисицей... Кстати, вы знаете, что ворон был другом Прометея? Нет? О чем я говорил? Да! Про места, которые мы не можем больше посетить. То, что люди умирают, – это понятно. Меня же всегда поражало, когда исчезают места, знакомые с юности. Там – стоял дом. А нынче его уже снесли. Ты всходил по его лестницам, спал в комнатах, говорил в коридоре, а теперь вместо – пустырь или какое другое здание. Там – текла река, на берегу которой ты сидел с книжкой, прислонясь спиной к стволу ивы. А теперь ни ивы, ни реки – забрана в трубу. Сверху положена мостовая, идут люди, стучат колесами экипажи... Раньше ты волновался из-за интриг могущественных царедворцев, а ныне они – слюнявые безумные старики, а история провернулась вокруг орудийного ствола, умылась кровью, пропиталась порохом и дымом сгоревшей Москвы. Глядь – а вокруг уже другой мир! И с какой заставы ни въезжай – никогда уже не попадешь в ту, допожарную Москву. Нет ее более. Сгорела, а потом отстроилась заново. Нет ее больше, старины седой. Нет больше и того Троицкого трактира, выстроенного вроде большого старинного терема с каменным первым этажом и деревянной надстройкой, с тремя острыми крышами, крытыми зеленой черепицей, и огромным внутренним двором, где отдельно стояла небольшая гостиница с чистыми комнатами. А внутри трактира – старинные залы, с резными стульями, с подушками, с расписным сводчатым потолком и стенами, обитыми тисненой кожей. С парсунами и витыми столбиками. С отдельными светлицами и мягкими коврами. Куда разбежались половые – все высокие, ловкие, в разноцветных шелковых рубашках? И Сила Мелентьев – старший половой – в бордовом кафтане и седой бородой как у святого... А уж какие там подавали блюда! Уха по-царски из семи рыб! И всё морских! С крупичкой! Семга, так тонко нарезанная, что сквозь нее смотреть можно было! И, уверяю тебя, мир сквозь такую семгу казался прекрасным! А грибы! Таких хрустящих груздей теперь не солят...

Крылов остановился и шумно сглотнул.

– Не надо вспоминать про это. Лучше о другом.

Москва. 1794 г.

Агата Карловна ела мало, но много кокетничала. Иван Андреевич, поначалу очарованный новой знакомой, не замечал этого кокетства, но к фазану начал чувствовать беспокойство, потому как Агата Карловна кокетничала однообразно, неизобретательно. Сначала она почти слово в слово повторила то же, что и на Тверской заставе – и про очаровательно легкое перо, и про напыщенных дураков, как будто заучила несколько фраз с чужого голоса. А потом ограничивалась только невнятными возгласами, трепетанием ресниц и оттопыриванием прелестной нижней губки. Иван Андреевич, даром что запивал каждую перемену большим бокалом вина, оставался почти в трезвом уме – именно по причине обильной закуски. Наконец он прямо спросил свою визави, что она думает по поводу его новой повести «Бедная Лиза»?

– О! – оживилась девушка. – Я проплакала всю ночь! Несчастливая девушка! Впрочем, топиться в пруду, мне кажется, моветон! Но все равно, вы написали прелестную книжку, Иван Андреевич.

Крылов побагровел и зашлепал своими толстыми губами.

– Вам нехорошо? – встревожилась Агата Карловна. – Вас нужно уложить в постель и дать понюхать соли.

Она положила свою руку на мощную длань оскорбленного литератора.

– У меня есть в несессере. Он тут, я его оставила в экипаже. Только вам нужно лечь, Иван Андреевич, вы так плохо выглядите. Хотите, мы пойдем к вам? Вы же наняли комнату? Тут на заднем дворе есть гостиница. Вы можете... – Она скромно потупила глаза. – Совершенно располагать мной... Ваше здоровье драгоценно для всех нас.

Глаза ее влажно сверкали, как два коричневых камешка с речного берега.

Иван Андреевич взял себя в руки и попросил десерт – малину во взбитых сливках, покрытую инеем сахарной пудры. А к ней – вишневых вареников с тончайшим, почти прозрач-

ным тестом в сладком молочном взваре, которые подавали с медовым хворостом – хрустящим снаружи и нежным внутри.

– Предположим, – сказал он, – книжка совсем не прелестна и даже не хороша.

Агата Карловна ожидала от него других слов. Она вдруг дернулась, как автоматон со сломанной пружиной, и откинулась на спинку резного стула.

– Не хороша? – пролепетала девушка.

– Дрянь книжка! – кивнул Крылов.

– Почему?

– Хотя бы потому, что не моя! – Иван Андреевич швырнул салфетку на стол и, нахмурясь, посмотрел на собеседницу. Он почувствовал, как Венерины чары рассеялись, открыв перед ним самую обычную кокетку – небольшого ума, да и небольшой красоты, если взглянуть здраво. Да, она была мила, но не более!

– Кто подослал вас, Агата Карловна, ко мне? – спросил Крылов. – Безбородко? Этот напыщенный слизень – известный ценитель красоток.

Девушка так яростно поджала свою нижнюю губку, что сделалась совершенно безгубой.

– А главное – зачем? – холодно продолжил Иван Андреевич. – Не успел я выехать из Петербурга – как уже такой аттансьон! Разве его светлости было мало моего честного слова не писать о персоне, которая ему благоволит? Вы что, милая, хотели через постель получить место моего личного цензора?

Агата Карловна вскочила, задев турнюром спинку стула. Скулы ее побелели. Потом она снова села и отвернулась к витражному окну.

В дверь светлицы просунулась белоснежная борода Силы Мелентьева. Он убедился, что гости не дерутся, и исчез.

– Вы не благородный человек, – сказала Агата Карловна. – Вы пользуетесь моей добротой и неопытностью. Я к вам со всей душой, а вы...

Крылов захохотал:

– Вот уж точно. Как шпионка вы совершенно неопытны. Может, на армейского офицера ваши штучки и произвели бы чарующее впечатление, но я... – Он вытащил сигару и подождал, пока половой в ярко-синей рубашке поднесет тонкую ольховую лучинку. – Я не таков. Так что? Кто подослал вас? Безбородко?

Агата Карловна пожала плечами:

– Я не знаю.

– Как не знаете? Такого не может быть.

– Мне просто приказали встретиться с вами в Москве и сделать так, чтобы... Я должна следовать с вами, куда бы вы ни отправились. И отсылать свои рапорты на адрес одной кофейни около дворца.

– Как называется кофейня?

– «Павлин».

– На чье имя? – спросил Крылов.

– Имя Аргус, – прошептала Агата Карловна.

Петербург. 1844 г.

– Аргус? – переспросил доктор Галер. – Стоглазый Аргус?

– Ну, это если верить Овидию, – отозвался Крылов. – Гесиод насчитал у Аргуса всего четыре глаза. А вот Нонн – уже тысячу.

– Трудненько было бы подобрать очки такому пациенту.

– Понятно, что Аргусом мог быть только один человек – начальник Тайной экспедиции Шешковский. Но он еще в конце весны наконец отправился пытаться чертей в Аид. Прямо вслед за своим начальником, генерал-прокурором Вяземским. О, если бы Шешковский был жив, я

прямо там, в «Большом самоваре», выложил бы весь свой обед в штаны, прямо как испуганная утка. Но преемника палачу Радищева еще не утвердили. Так что Аргус был для меня загадкой. Конечно, потом я все понял – загадка была не сложной, и решение лежало на поверхности, прямо там, в словах Агаты, но, вероятно, от сытного обеда мой мозг решил задремать, даже не оповестив меня самого.

Москва. 1794 г.

– И что же заставило вас стать шпионкой? Долги? Несчастливая любовь? Скандальная связь? – спросил Крылов.

– Зачем вы спрашиваете?

– Из любопытства.

– Я не буду отвечать.

– Воля ваша, – кивнул Иван Андреевич. – Однако это было что-то очень серьезное, раз вы были готовы даже увлечь меня в свою постель.

Девушка вдруг покраснела и кивнула:

– Серьезное. Но я вам не скажу.

– Черт! – с досадой сказал Крылов. – Я уже начинаю жалеть, что отказал вашему предложению пойти понюхать соли. Может, после этого вы стали бы разговорчивее.

– Нет, – помотала головой девушка. – Раз уж вы раскрыли эту мою тайну, то пусть другая останется при мне.

Крылов молча посмотрел на нее.

– Так вы мне нравитесь больше, – сказал он. – Так вы выглядите намного умнее. Если бы вы с самого начала были собой, а не пытались разыгрывать влюбленную поклонницу, я, несомненно, мог бы увлечься вами. Беда только в том, что чувство любви мне не знакомо. Влюбленности – несомненно. Но – краткой, быстро преходящей. А любви – нет. Я могу влюбиться, начав есть цыпленка, но разлюбить уже обсасывая его косточки.

Агата посмотрела на него с интересом.

– Так не бывает, – сказала она.

Крылов только усмехнулся.

– Так не бывает, – повторила она. – Или вы тоже скрываете тайну, которую не хотите никому раскрывать: отчего это вдруг не пускаете в свое сердце любовь.

Крылов поджал свои пухлые губы, и лицо его приняло презрительное выражение.

– Нет никакой тайны, – проворчал он. – Что вы называете любовью, барышня? В наш век нет никакой любви – только удовлетворение плотских желаний, да и то не из страсти, а только ради кокетства и списка нежных побед, который потом прилюдно оглашается на ближайшем собрании хищниц в платьях. И хватит на этом! Вы попали в глупейшую ситуацию, Агата Карловна. И что теперь?

Она пожала плечами:

– У меня есть приказ – следить за вами. И я буду его выполнять.

– Но как?

– Не знаю. Буду следовать за вами. Скрываться уже нет смысла, так что я стану делать это открыто, а вам придется меня терпеть.

– Разве вам теперь не стоит послать рапорт о своем разоблачении? – спросил Крылов пораженно. – И сообщить о невозможности далее выполнять данное поручение?

– Увы, – вздохнула Агата. – Я получила вполне четкий приказ. Кроме того, как я узнаю, что больше не должна за вами следить? Ведь на мои рапорты не предполагается никаких ответов. Это почта – в один конец.

– Черт знает что! – воскликнул Крылов. – Что за глупость. Не могу же я выполнять...

– Тут он осекся, потому что чуть не проболтал, что его послала с поручением сама импера-

трица. – Не могу же я путешествовать с таким эскортом. Я уверен, что ваш Аргус – это Безбородко, который во-зомнил себя будущим канцлером.

Тут к нему пришла неожиданная мысль – а что, если Безбородко только притворялся, будто поверил ему там, во дворце? Вдруг он пронюхал об истинной миссии Ивана Андреевича? Или даже не пронюхал, а инстинктом царедворца предположил, что Крылову поручено некое задание? Ну и что, тут же ответил себе Крылов. Задание хоть и тайное, однако не столь уж важное... Или важное?

Петербург. 1844 г.

– Мне стоило бы насторожиться сразу, а я был глух ко всем подозрительным обстоятельствам, потому что был занят только своими страданиями, – сказал Иван Андреевич. – Меня не насторожил тот факт, что сразу после приема у Екатерины ко мне подошел не только Безбородко, но и братья Зубовы. Но я думал только о том, что придется неожиданно сорваться с места и покатить за кудыкины горы. Мысль о том, что моя миссия может быть более значительной и опасной, чем я предполагал, пришла ко мне только там, в трактире, когда я сидел напротив очаровательной молодой шпионки. А главное – теперь я не знал, как от этой девицы избавиться. Ведь я сообщил Безбородко, что просто уеду из Петербурга и не приму участия в кампании травли наследника. А если она будет следовать за мной как привязанный хвост, то... Здесь надо было проявить лисью хитрость.

Москва. 1794 г.

– Как мне от вас избавиться, черт побери? – спросил Крылов нервно.

Агата Карловна встала и пожала плечами:

– Понятия не имею. До свидания, милейший Иван Андреевич.

Он вдруг понял, что никакой робости или раскаяния в этой прямой спине и легкой полуулыбке нет. И снова пожалел, что не поддался на соблазнение.

Агата пошла к двери, так отчаянно раскачивая тюнрюром, что Крылов вдруг почувствовал, как гулко заколотилось его сердце.

– Чертовка, – буркнул он и решил успокоить себя десертом, но уже через секунду со звоном бросил ложку на стол, расплатился и пошел вниз, к своей бричке, ждавшей на большом дворе. Афанасия нигде не было – вероятно, отлучился. Крылов влез в бричку и закурил сигару. Он злился на себя, точно не понимая, за что именно – за то, что дал втянуть себя в опасное предприятие, или за то, что сидел сейчас здесь, а не на перинах постоянного двора, сжимая в объятиях стройное и гибкое тело Агаты Карловны.

Наконец Афанасий вернулся.

– Послушай, братец, – сказал ему Иван Андреевич. – Помнишь, мы давеча на заставе повстречали экипаж с девицей?

– Так разве вы с ней не... – простак кучер пару раз сунул рукоятку кнута в кулак.

Крылов зарычал:

– Слушай, дурень! Эта девица шпионка!

– Да ну! – округлил глаза Афанасий.

– И приставлена следить за мной, о чем совершенно открыто и заявила.

– Вот чертовка! – воскликнул кучер.

– Так вот, я хочу, чтобы ты сделал так, чтобы она нас не догнала и потеряла.

Все это время Афанасий кивал.

– Понял, ага, понял. Только трудновато это будет, потому что я Москвы не знаю.

– Разве ты не приезжал сюда с императрицей?

– Бывало, – снова кивнул Афанасий. – Но это ж – как? От заставы до Кремля. И все. Мы другими путями не ездили. Я вот сейчас расспросил мужиков, как доехать до Сухаревой

башни. Но так, чтобы при этом скрыться от погони... Это сложновато мне будет, барин, не обессудь.

– Что же делать? – расстроился Крылов. – Ведь она доедет за нами до башни, а там... Мало ли что она узнает. Достаточно намекать...

– В башню не так-то просто попасть, – сказал Афанасий. – Там же не проходной двор. Мы и в прошлый раз, когда туда ездили, спрашивали специального человека. Он преподаватель навигацкой школы. Стоит ему шепнуть про шпионку, барин. Пусть возьмет пару крепких ребят из своих и прикажет им задержать шпионку. Хотя бы до следующего вечера. А мы тем временем уже и все свои дела сделаем и дальше поедем.

– Куда это дальше? – насторожился Крылов.

– Ну... не знаю куда, – смутился Афанасий. – Куда скажешь, туда и поедем.

Иван Андреевич внимательно посмотрел в бородатое лицо Афанасия, но ничего прочитать в нем не смог.

– Ладно, – сказал Крылов. – Не пора ли нам уже ехать на место? Золото при тебе?

Кучер посмотрел удивленно:

– А разве ж я не сказал?

– Что?

– Да туда только ночью! А пока – не время. Я уже и комнату тебе сговорил в трактире, на заднем дворе. Вот только что. Там уже твой камердинер вещи раскладывает и постель стелет.

– Мой... кто? Камердинер? – произнес оторопевший Крылов. – Какой еще, к Плутону, камердинер?

– А мне почему знать? – пожал плечами Афанасий. – Говорит, с трудом нагнал, с самого Петербурга ехал. Уж он два сундука вещей привез, говорит, как же Иван Андреевич без меня уехали, кто же ему грелочку в ноги положит, кто чайку вскипятит?

Драматург стоял с раскрытым ртом, ничего не понимая. Никакого камердинера у него сроду не было.

– А каков он из себя? Как его хоть зовут? – произнес он наконец.

– Да ты сам пойдешь посмотри.

Афанасий повел его внутрь двора, а потом указал на небольшой двухэтажный дом, стоявший позади – с желтыми стенами и коричневой черепичной крышей.

– Как входишь, то направо по коридору третья дверь.

Крылов, следуя указаниям, вошел в дом, где прошел по темному коридору, пропитанному запахом вареной капусты, толкнул третью дверь и оказался в светлой комнате, оклеенной бумажными обоями, с огромным шкафом слева и кроватью под единственным окном. У правой стены стоял старинный дубовый стол и два стула. А между кроватью и столом, у двух раскрытых сундуков стоял человек небольшого роста, в темно-синем кафтане и с редкими черными волосами, залезанными набок. На нем были серые штаны и теплые вязаные чулки с толстыми башмаками.

– Ты кто? – спросил Крылов.

Человек повернулся, лицо у него было как обезьянья мордочка.

– А! Барин! – улыбнулся совершенно незнакомый Ивану Андреевичу человек. – Постельку стелю. Сей же момент будет готово. Уж и выспитесь вы на перинке-то. Я перинку с собой привез – чистое облачко, а не перинка. И простынки на ней – свежайшие, я их водичкой розовой сбрызнул – как в саду, ей-богу, будете, как в райских кущицах. А велите еще чего, так я в соседней каморочке буду – вы только в стеночку кулачком стукните, я уж тут как тут.

– Ты кто такой? – зарычал Крылов. – Откуда ты взялся и чего делаешь в моих кущицах? То есть в моей комнате?

– Постельку стелю, – продолжала эта очеловеченная обезьянка, совершенно не реагируя ни на тон, ни на смысл вопроса.

– Забирай свои сундуки и убирайся, кто бы ты ни был! – крикнул Крылов.

«Обезьянка» сжался, как будто опасаясь, что Иван Андреевич сейчас набросится на него и задавит своей массивной фигурой. Его рука метнулась внутрь кафтана и вынула сложенный вчетверо листок бумаги.

– Черт тебя побери, – пробормотал Крылов, чуя неладное. Он взял бумагу и, развернув, прочитал:

«Дорогой Иван Андреевич! Нам передали, что ты так срочно покинул столицу, что вынужден ехать без удобств и прислуги. Это негоже, чтобы человек при такой важной миссии испытывал всяческие невзгоды. Потому мы посылаем тебе в услужение нашего человека Гришку Потапова. Держи его при себе, а жалованья не плати – мы после с ним сами сочтемся. Только корми его да давай место подле тебя. Гришка человек надежный, нам служил хорошо и тебе послужит не хуже – в том ему дано особое указание. А ежели ты его задумаешь прогнать от себя, то сделаешь тем для нас сильную обиду, которой мы не простим».

Внизу стояла подпись: «П. Зубов».

Крылов дочитал, сунул бумагу себе в карман, дошел до стула и тяжело сел на заскрипевшее сиденье. Он долго смотрел на обезьянку, а тот – на него – немного виновато, но в то же время с затаенным озорством.

– Понятно, – сказал наконец Иван Андреевич. – Платон Александрович, конечно, умеет подходец найти.

– Умеет, умеет, – кивнул Гришка.

– Так ты, стало быть, зубовский шпион?

Обезьянка пожал плечами:

– Мы люди маленькие. Нам что приказывают, то мы и делаем. Так и тебе, барин, приятенько – уж услужу как могу, живота своего не пожалею.

Да, подумал Крылов, ведь и не прогонишь этого мелкого беса, как давеча Агату Карловну, шпионку Безбородко. Тут тебе просто приказывают – на тебе надзирателя, а если откажешь – тебе же хуже.

– Ладно, черт с тобой, – махнул рукой Крылов. – Я пойду пока прогуляюсь.

– Куда? – быстро спросил Гришка.

– На кудыкину гору! – отрезал Крылов и вышел, хлопнув дверью.

Афанасий уже сидел на козлах.

– Ты его знаешь? – спросил Крылов.

– Кого?

– Этого... камердинера. Гришку.

– Знаю, – ответил кучер. – Человек Платона Александровича.

– А чего не сказал сразу?

Афанасий пожал плечами:

– А мне откуда знать, может, ты, барин, сам его и нанял?

Крылов в сердцах сплюнул и полез в бричку.

– Ладно, давай покатаемся, посмотрим город, а потом отвезешь меня обратно на Охотный в Благородный клуб ужинать. А после – к Сухаревой.

Петербург. 1844 г.

Иван Андреевич переменял положение своего грузного тела в кресле, отчего полы его теплого шлафрока разъехались и оголили толстые, перевитые венами ноги. Он прикрыл сизоватые старческие колени и прокашлялся:

– Не устал?

– Скоро пойду, – ответил доктор Галер. – Но давайте еще, пока есть время. Чем мы быстрее кончим, тем я быстрее получу обещанную плату.

– Получишь, не сомневайся. Хорошо. Спать-то мне не хочется теперь. Вот давеча я говорил про то, что время не щадит людей – и ладно. Но печально, как оно не щадит те места, где мы жили, с которыми у нас так много связано в прошлом. Что уж говорить про Первопрестольную! Сначала чума семьдесят первого выкосила, почитай, половину города. Потом этот пожар в двенадцатом! А я еще помню ту Москву, которую ты даже и представить себе не можешь. Вам, столичным жителям, Москва всегда казалась большой деревней, что уж говорить про те времена. Тогда каменные здания стояли только внутри Бульварного кольца, а за ним – все больше деревянные. Нет, конечно, и там возвышались монастыри, церкви, дворцы, но они были как гиганты среди множества самых бедных халуп, сараев, амбаров, кухонь и бань. А уж грязь! Мостили только центральные улицы, да и то из рук вон плохо. Особенно возле казенных строений – едешь и за скамейку хватаешься, чтобы не вылететь вон из брички! Летом и зимой еще ничего – по сухому или по снегу на санках. А осенью, в дожди – так уж лучше пешочком, по дощатым тротуарам, где они, конечно, были. Идут, бредут несчастные прохожие, к стенам и заборам жмутся – а мимо телеги, экипажи да конные – грязь из-под копыт да колес, крик, ругань, мол, посторонись, зашибу! Окатят водой из лужи... А лужи были знатные. Была одна такая между Гавриковым переулком и Переведеновкой – легендарная. Никогда не высыхала! Местные ее озером называли. Говорили, там карпов хотели разводить, да Управа благочиния запретила. Ночью еще хуже было: фонари только в центральных частях, да и те – на конопляном масле. Они только себя и освещали. А как выедешь за бульвары – так темнота. Только каретными фонарями и спасались – как во тьме два глаза огненных загорались, значит, кто-то из вельмож домой катит из Собрании или маскарада. Но мы-то выехали еще засветло. Прокатились по Кузнецкому мосту через Неглинку – уже тогда Кузнецкий был усыпан модными лавками, как нищий вшами. Выкатили на Сретенку, в девятую часть – слева Рождественский монастырь, впереди – Сретенский, сзади Ивановский девичий, поодаль – Златоустовский мужской, в отдалении кресты Высокопетровского – прямо хоть тут в бричке помирай – сразу в рай – такая святость вроде бы должна вокруг разливаться! А глаза опустишь – так по панели нищие бредут в лохмотьях, снуют дворовые с деловым видом, разносчики на головах тяжеленные лотки тащат со всяким товаром – ничего, обычная жизнь! Редко заметишь девичью шляпку – все более платки да колпаки. А то проедут в возках артиллеристы – к своему полковому дому. И вот по обе стороны потянулись дощатые домики – лавки Сретенского рынка. Слева они лепились прямо к монастырской стене, а справа – к оградкам редких каменных домов и к заборам почти деревенских домов. Тут уж больше стало капоров и платков – бабы с корзинами приценивались к товарам, народу было немного, потому что основная торговля – утренняя уже спала. А чуть левее над рынком, почти вровень с колокольней Сретенского монастыря выросла она, Сухарева башня, – шестиугольная, с часами. Потом мы выехали на пересечение Бульварного и Садового, и башня открылась вся – с продолговатым массивным основанием в три этажа с огромными арками на первом и чудовищного размера лестницей, накрытой дощатой крышей так, что зимой можно было бы катать по этому скату на санках, если, конечно, не боишься сверзиться с такой высоты на промерзлую землю. Стены этого сооружения были выкрашены в серо-синий цвет, а окна и колонны – в грязно-желтый. У входа стояла стайка юных гардемаринов, перед которыми прохаживался морской офицер, вероятно, их наставник, и что-то грозно внушал. Однако серьезный тон наставника совсем не вязался с маленькой собачкой, которая бегала за ним, бешено виляя хвостиком. Я приказал Афанасию объехать вокруг башни, мимо стены Аптекарского огорода. Когда наконец мы вернулись снова к Сретенскому монастырю, начало уже смеркаться. Я велел везти себя в Благородный клуб, потому как желудок мой с точностью хронографа уже сигнализировал о времени ужина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.